

На крыльях мечты

Автор:

[Анна Матир](#)

На крыльях мечты

Анна Матир

Юная Ребекка мечтает уехать с фермы родителей и верит, что летчик Артур сможет подарить ей новую жизнь. Но обстоятельства меняют ее планы: любимый предает ее, к тому же на руках девушки оказываются четверо чужих детей. Их мать и опекунша умерли, а отец Френк сражается на фронтах Первой мировой. Ребекка искренне привязывается к сироткам. А вернувшегося с войны вдовца поражают любовь и уют, царящие в его доме. Френк понимает, что не вправе больше задерживать эту милую девушку, но, кажется, теперь она больше всего на свете хочет остаться...

Анна Матир

На крыльях мечты

Слава Господу моему Вседержителю, Тому, Кто дарует мне мечты и желания, совершенствует их и дает моему сердцу силы следовать за ними, я смиренно покоряюсь

© Anne Mateer, 2011

© Jennifer Parker, обложка, 2016

© Mike Habermann Photography, LLC, фото на обложке, 2016

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2016

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2016

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства.

* * *

«На крыльях мечты» – прекрасно написанная история об утерянной и вновь обретенной надежде. Действие романа разворачивается в непростое время, но простота повествования легко переносит читателя в другую эпоху. Это прекрасное чтение для приятного времяпрепровождения. Наслаждайтесь!

Ким Фогель Савье, автор *My Heart Remembers*

Анна Матир создала незабываемую историю, наполненную персонажами, которые, даже после того как вы перевернете последнюю страницу, надолго оставят след в вашем сердце.

Кэтлин Я'Барбо, автор *The Confidential Life of Eugenia Cooper*

«На крыльях мечты» – это душевная история о том, как обычная женщина становится заложницей необычных обстоятельств. Автор заставила меня смеяться, плакать и – что самое главное – глубоко сопереживать Ребекке, ее друзьям и семье. Те читатели, которые ищут захватывающую историю о событиях, актуальных и в XXI веке, могут остановить свой выбор на прекрасном дебюте Анны Матир – «На крыльях мечты».

Аманда Кабот, автор Tomorrow's Garden

Матир написала проникновенный любовный роман, действие которого разворачивается на фоне эпидемии гриппа 1900-х годов, о которой так часто забывают. Автор умело смешала исторические реалии, библейские истины и незабываемых персонажей.

Маурин Ланг, автор Whisper on the Wind

Глава 1

Октябрь 1918 года

– Ребекка Грейс, если ты не поторопишься, мы опоздаем на лекцию! – Мама воздержалась от крика, хотя звук ее голоса без труда вознесся вверх по лестнице и проник в мою спальню. В конце концов, леди не к лицу повышать голос.

– Иду, мама! – Я прикрепила булавкой широкополую шляпу, прикрыв свои светло-каштановые волосы, и старалась рассмотреть себя в крошечном зеркале, висящем на стене. Шляпа была, конечно, не последней модели, но вполне сойдет. По крайней мере, для Даунингтона в штате Оклахома.

Я побежала вниз по лестнице, благодаря маму за то, что она разрешила мне носить юбки чуть выше лодыжек. Опомившись на последней ступеньке, я уменьшила темп и вовсе остановилась перевести дыхание, прежде чем выйти на улицу к ожидавшим меня родителям.

Несмотря на волнение, я заставила себя идти медленно, с достоинством, подобающим молодой женщине, которой недавно исполнилось девятнадцать.

Взбираясь на заднее сиденье двуколки, я бросила взгляд на сарай, в котором стоял старый «форд» моего брата, и подавила вздох сожаления.

– Мы могли бы воспользоваться автомобилем Уилла, мама. И приехать эффектно, как миссис Тэкер.

Мама фыркнула, выразив свое неодобрение, хотя я и так знала, что, по ее убеждению, по всем вопросам, касающимся поведения в обществе и культуры, к миссис Тэкер следует прислушиваться в последнюю очередь.

– Ее муж настаивает, чтобы она ездила на том автомобиле, а она наверняка предпочла бы тихую и надежную повозку.

Я сжала губы крепче, силясь удержать комментарий, тем временем папа стегнул лошадь, и мы тронулись вперед. Я сомневалась, что миссис Тэкер присуща сдержанность, которую мама приписывала ей. Миссис Тэкер жила в современном мире, далеком от сельскохозяйственных угодий Оклахомы. Если бы ее муж не стал владельцем местного банка, она никогда бы не решила поселиться в Даунингтоне. Я была уверена в этом.

– Я рассчитываю на твою помощь сегодня, Ребекка Грейс! Жители придут на лекцию, чтобы получить благотворное воздействие на свои умы. А мы – члены женского сообщества Даунингтона – должны выполнить свой долг и помочь им в этом.

– Да, мама. – Я рылась в своей сумочке, пытаюсь скрыть улыбку, расплывающуюся у меня на устах.

Мама, может быть, и была обеспокоена чьим-то развитием и интеллектом, но мои намерения были вовсе не столь благородны. Сегодня вечером я лишь хотела убедиться, что Артур Сэмсон понял мое намерение выбраться из этого городка и увидеть мир. Вместе с ним.

* * *

Папа высадил нас у парадного входа в здание школы. Из каждого окна лился свет, разгоняя сгустившуюся над заливом тьму.

Мотор большого автомобиля лениво урчал неподалеку, но я не могла разглядеть, кто сидит за рулем – Артур или мистер Тэкер, поэтому проследовала за мамой внутрь.

– Хвала Небесам, вы здесь, Маргарет! – Миссис Тэкер подплыла к маме, затаенными в перчатки руками приобняла ее за плечи, и на мгновение их щеки коснулись в приветствии. Затем миссис Тэкер отстранилась.

– Вскоре все начнут съезжаться!

Мама поставила сумочку на одно из сидений первого ряда.

– Чем я могу помочь?

– В данный момент ничем. Мы будем встречать прибывающих, возможно, будем показывать, где сесть. Конечно, я представлю доктора Уитмора.

Я отвлеклась от их разговора. Мне было не под силу проявлять такой же энтузиазм, предвкусывая лекцию профессора богословия.

Дверь вновь открылась. Вошедший человек нес два папоротника в горшках, и хотя они закрывали его лицо, я знала – это Артур. Больше никто в городе не носил таких высоких ботинок и коричневую солдатскую форму.

– Поставь их впереди, – велела миссис Тэкер племяннику. – По одному с каждой стороны от трибуны.

Я пристально следила за тем, как Артур шел по проходу, восхищаясь его решительной походкой и сильными руками. Он расставил растения, как было велено.

– Прекрасно, – отметила миссис Тэкер. – А теперь подойди и поздоровайся с миссис Хэндрикс и мисс Ребеккой.

Молодой человек повернулся к нам, снял шляпу, и на его губах появилась легкая улыбка. Загорелая кожа лица выгодно оттеняла блестящие белые зубы и волосы пшеничного цвета.

– Очень рад видеть вас вновь, миссис Хэндрикс, мисс Ребекка.

Я выпрямилась и улыбнулась в ответ. Голоса, раздавшиеся у двери, увлекли маму и миссис Тэкер к входу: прибыли еще три члена женского сообщества, и дамы обменивались приветствиями. Тем временем Артур стал возле меня.

Когда он смотрел мне в глаза, у меня внутри все таяло, как масло на горячем бисквите. Это продолжалось с того самого момента, как мы встретились, почти три недели назад, когда он приехал в Даунингтон навестить своих тетю и дядю. Он не был похож ни на одного юношу из тех, кого я знала. Он не бороздил грязные поля. Он парил над ними.

Выпускник колледжа. Летчик, устремленный ввысь! Ему принадлежал весь мир!

Тот факт, что он обратил внимание на такую деревенщину, как я, кружил мне голову и заставлял сердце сильнее биться в груди.

Молодой человек не отводил от меня взгляда, несмотря на то, что зал наполнялся людьми. Я желала, чтобы этот миг длился вечно! Но момент был, увы, не самый подходящий. Сцепив пальцы, я подумала о том, что нас могут услышать. Поэтому наклонилась к нему и спросила:

– Вы уже знаете, где будете сидеть, мистер Сэмсон?

Он тоже наклонился и подмигнул мне:

– Я надеялся, мы вместе получим удовольствие от поиска места. – Он глянул на выход и вновь посмотрел на меня. Его намек был совершенно ясен.

Я закусила нижнюю губу и посмотрела на маму. Она стояла по одну сторону входа, миссис Тэкер по другую. Другие женщины носились по кругу, провожая гостей к пустым креслам. Никто не обращал на нас никакого внимания.

Артур взял меня под руку и повел в дальний угол зала. В полумраке его мягкий голос обволакивал меня, будто шелковая шаль, которую мне прислала тетя Адабель на школьный выпускной.

– Ну а ты? – спросил он приглушенным голосом с мягким тембром. – Ты тоже предвкушаешь прослушать лекцию этим вечером?

Я потупилась и нервно хихикнула, а губы Артура вновь изогнулись в усмешке. Он зашептал:

– Садись возле меня на ступеньках около входа. Это наш последний шанс поговорить. Утром я уезжаю в Техас.

В это мгновение миссис Тэкер выплыла на середину зала, мама следовала за ней. Прежде чем миссис Тэкер успела обернуться и обозреть собравшихся, мы с Артуром скользнули за дверь и очутились в вечерних сумерках.

* * *

Я села на среднюю из трех ступеньку крыльца школы, расправила юбку и спрятала ноги под подол. Артур прошел по двору и закурил сигарету. Воцарившуюся тишину нарушали лишь доносившиеся звуки голосов. Затем раздались аплодисменты. К тому моменту, как началась монотонная речь, молодой человек уже докурил и затушил тлеющий окурок носком ботинка, сел возле меня и откинулся немного назад, опершись на локти.

– В это же время на следующей неделе я уже буду в самолете! – Он поднял голову вверх, будто уже смотрел на себя, летящего в небе. – Сначала я буду летать над Техасом, затем над Францией... Или Германией...

Я тоже подняла глаза и вместе с ним посмотрела на небо, думая о том, как много раз я загадывала желание, увидев первую вечернюю звезду. Теперь я верила, что Бог указывал мне путь, и я молилась о том, чтобы пройти его вместе с Артуром.

– Как бы мне хотелось полетать вместе с тобой!

– Правда? – Артур выпрямился и посмотрел на меня своими смеющимися глазами. – А разве тебе не будет страшно?

Я покачала головой, вспоминая, сколько часов, дней и лет я жаждала освободиться от домашней работы, ухода за садом и скотом. Освободиться от обжигающего маминого взгляда и острого языка. С тех самых пор, как я окончила школу, я мечтала покинуть этот аккуратный скучный городок.

– Я хочу увидеть новые места, делать что-то иное! Я хочу жить жизнью, в которой будет нечто куда большее, чем просто садоводство, сбор урожая и домашняя работа. Я хочу, чтобы у меня была жизнь, которая стоит того, чтобы ее прожить!

– Я мог бы научить тебя летать на самолете! – предложил он.

Звезды подмигнули мне с небес. Я подняла голову и попыталась представить, как это – самой воспарить над землей. В животе все перевернулось.

– Может быть, сначала научишь меня водить автомобиль, прежде чем мы примемся за самолет? – предложила я.

Наш смех сливался, словно мед с горячим чаем. И был так же сладок.

Артур повернулся ко мне.

– Мы могли бы делать многие захватывающие вещи, Ребекка. Вместе – ты и я.

Я прижала руки к животу. Он что, и вправду так считает? Неужели он станет теми крыльями, с помощью которых мне удастся воспарить над Даунингтоном?

Его обычно томный голос стал вдруг очень резким.

– Ты не похожа ни на одну из девушек, которых я встречал раньше. Ты мечтаешь по-крупному! Мне это нравится!

Я прижала руки к животу еще сильнее. Действительно ли он подразумевал именно то, о чем я подумала?

Он взял мои ладони в свои.

– После того как я разберусь с немцами, я вернусь за тобой. Мы будем жить в Далласе, или в Нью-Йорке, или где-нибудь в Европе.

Я втянула ночной воздух, закрыла глаза и на мгновение представила, что все мои мечты сбываются.

– Ты будешь героем войны – награжденным летчиком-асом. А я буду завсегдаем клуба, названного в мою честь, и моя фотография будет каждую неделю в газете! – Где-то в глубине глаз начали собираться слезы, но я отказывалась плакать, даже от счастья!

Мои глаза вновь открылись, пока его пальцы переплетались с моими.

– Скажи, что ты не разыгрываешь меня, Артур! Скажи, что все это – правда!

Взяв меня за подбородок, он заглянул мне в лицо.

– Я бы не говорил этого, если бы действительно не думал так, Ребекка!

Он придвинулся ближе. Я с трудом глотнула, его лицо было в нескольких миллиметрах от моего, его дыхание обдавало жаром мою щеку. Мои глаза были плотно закрыты.

Его руки опустились на мою талию, прежде чем меня ожег огонь его губ. Это не было похоже ни на что, о чем я мечтала или испытывала прежде. Прошли секунды – или это были минуты? Казалось, прошла вечность, но она промчалась как мгновение! Когда он отстранился, я напомнила себе, что необходимо вновь дышать!

Он обнял меня одной рукой за плечи так непринужденно, будто делал это уже сотни раз.

Я вздрогнула, а затем опустила голову ему на грудь, как раз под подбородком.

Так мы и сидели, в тишине обдумывая свои мечты, пока из зала не донесся звук взорвавшихся аплодисментов.

Артур помог мне подняться. Мы на цыпочках вошли в зал и захлопали вместе с остальными. Как мы и предполагали, никто не заметил, что нас не было все это время.

* * *

После того как все ушли, мы с Артуром помогли маме и миссис Тэкер привести зал в порядок.

– Ребекка Грейс! – позвала меня мама из дальнего конца зала, уже повесив сумочку на руку.

– Кажется, мы уже уезжаем, – повернувшись к Артуру, сказала я шепотом, дерущим горло.

Он сжал мою руку и отпустил.

– Не забывай писать мне! – Его дыхание щекотало мне ухо.

Мама остановилась возле нас, не забыв надеть на лицо дежурную улыбку.

– Я слышала, вы скоро покидаете нас, мистер Сэмсон?

– Да, мэм!

– Будьте там осторожнее! – Они посмотрели друг на друга. – Я надеюсь, вы приедете навестить нас, как только сможете?

Улыбка, которую он послал в мою сторону, заставила меня затрепетать с головы до пят.

– Да, таково мое намерение, миссис Хэндрикс!

Мама не отводила от него взгляда, несмотря на то что ее слова были адресованы уже мне.

– Попрощайся, Ребекка! – Она кивнула и повела меня к двери, будто мы не могли остаться больше ни на мгновение! Она что, всегда будет относиться ко мне как к ребенку?

– До свидания, миссис Тэкер, мистер Сэмсон. – Я смущенно посмотрела на них, прежде чем перевести взгляд на Артура. Наши глаза встретились и задержались, прощаясь.

Затем я поспешно сбежала по ступенькам и забралась в ожидавшую повозку. Папа натянул вожжи, и мы тронулись. Я выглянула из повозки, обернулась, чтобы попрощаться еще раз. Но Артура нигде не было видно. Мое сердце уже разрывалось от разлуки.

Глава 2

Через два дня после того, как поезд увез Артура на военную базу Кэмп-Дик в Техасе, сладкий аромат выпечки, доносившийся из кухни, заставил мои ноздри затрепетать. Я плотнее запахнула шаль, обдумывая, как же поступить – помочь маме на кухне или и дальше бродить по веранде. Я вздохнула и посмотрела на свои руки. Мама всегда говорила, что, если чем-то занять руки, это позволит быстрее скоротать время. Но что она на самом деле знала об этом? Она познакомилась с отцом здесь, в Даунингтоне, откуда была и сама родом, они недолго встречались, а затем поженились.

Но все-таки мне следует чем-то заняться, чтобы как-то отвлечься, иначе я сойду с ума, думая об Артуре.

Прежде чем я дошла до кухни, раздался стук в боковую дверь. Я остановилась в прихожей.

– Добро пожаловать, мистер Грейвз. – Мама говорила тем медовым голосом, который она приберегала для всех моих потенциальных женихов.

Барни Грейвз проворчал что-то в ответ. Потом раздался звук его тяжелых шагов по полу. Затем будто опустили что-то тяжелое. Мамина бакалея из его

магазина.

Послышался звук открывающейся духовки. Меня накрыл ошеломляющий запах корицы, но он больше не манил меня. Только не с этим мужчиной там.

Меня пробрала дрожь, когда я представила себе постное лицо Барни, заросшее буйными бакенбардами. Ему по меньшей мере тридцать! Почему, ради всего святого, мама считала его отличной партией?!

– Ребекка Грейс! – Голос матери снес меня обратно на веранду. Я прислонилась к стене, молясь, чтобы она не вышла меня искать. Но мама знала меня слишком хорошо. Прежде чем я закончила молить Всевышнего, она появилась.

– Вот ты где! Проводи мистера Грейвза к машине.

Мои плечи поникли. Мама придвинулась ближе, голос ее был едва слышен.

– Я знаю, ты сохнешь по молодому мистеру Сэмсону, но мой совет в поисках мужа такой же, как и в приготовлении пирога: лучше всего иметь ингредиенты сразу на два пирога, вдруг первый не удастся.

Конечно, она была права, но я не сомневалась в Артуре. Разве его обещания были не столь же значимыми, как и помолвка? После того как закончится эта ужасная война, мы с ним поженимся и с головой окунемся в самые разнообразные приключения.

А пока не было никакого смысла ссориться с мамой. Я приклеила на лицо улыбку и последовала за ней, обреченная покоряться.

– Мама сказала, вы уже уезжаете, мистер Грейвз. – Я обвила пальцами его локоть и повела мужчину через двор. О чем же с ним заговорить?

– Вы, наверное, так гордитесь, что теперь и ваше имя стоит рядом с именем вашего отца! Магазин Грейвза и сына! Звучит так престижно! – На самом деле я считала, что Грейвз – крайне неблагозвучное имя. И я никогда не назвала бы свой бизнес таким именем.

Его застенчивый взгляд зажегся надеждой, когда я посмотрела на него.

– Да, мисс Ребекка, я и вправду крайне доволен.

– Так и должно быть! Это такое достижение для такого молодого человека, как вы! – Я опустила ресницы, пока он пробормотал что-то в ответ, смысла слов я не уловила.

Он уселся в новенький автомобиль и умчался. Я отступила чуть назад, укрываясь от облака пыли, которое подняли колеса. Я испытала чувство непонятной вины, как только он скрылся из виду. Когда мой взгляд оторвался от поднимающейся пыли и вознесся ввысь, к голубому небу, я вновь помолилась о жизни, ведущей к неведомому, которую предпочла бы проживаемой здесь, в грязи Оклахомы.

Старые качели, свисающие с огромного дуба, поскрипывали на ветру. Я села на гладкое деревянное сиденье и оттолкнулась ногами, как делала и прежде много раз, будучи ребенком.

Слишком рано было ждать первого письма от Артура. Но я подсчитала, что все-таки оно придет вскоре. Что он напишет – слова любви или просто расскажет о том, как их тренируют на базе? Я прислонилась к закаленной погодой веревке, на которую крепились качели. Если бы я только знала, сколько еще пройдет времени, прежде чем мы наконец будем вместе.

– Ребекка Грейс! – Голос мамы звучал медово, как и прежде, будто она еще не осознала, что мистер Грейвз уже уехал.

– Да, мама! – Я встала и остановила качели, увидев, что мама вышла на крыльцо.

Ее взгляд окинул окрестности в поисках автомобиля, звук мотора которого еще был слышен со стороны дороги.

– Иди помоги мне с ужином. – Теперь тон был резким.

– Да, мама! – Я прошла по ковру из сухих листьев, вновь надеясь когда-нибудь освободиться от утомительных ежедневных обязанностей: приготовления пищи, уборки, собирания яиц...

Когда я зашла на кухню, поднимающийся жар окутал меня, как шерстяное покрывало теплым летним днем. Мама вытерла лоб рукавом своего старомодного платья.

– Я все подам. Иди подыши свежим воздухом, – предложила я.

Она кивнула и вышла на улицу.

Часом позже отец сел за грубо сколоченный стол на кухне есть своего жареного цыпленка. Несмотря на то что мама все пыталась придать нам некую внешнюю благопристойность, мы были самыми обыкновенными фермерами. Цыпленок был наш, из переполненного курятника. Мама собственноручно свернула ему шею сегодня утром. Возможно, мы владели фермой, которая приносила дохода больше, чем у других, и выглядела ухоженной рабами, как в старые времена, но именно тяжелый труд родителей сделал ее такой благополучной.

Отец жевал цыпленка, закрыв глаза, будто вознося птицу в тот момент на небеса. И я думаю, так оно и было. Постный вторник всегда откладывал угрюмый отпечаток на настроение отца, несмотря на то что он поддерживал политику Гувера по оказанию гуманитарной помощи воюющим странам. Проглотив первый кусочек, отец откинулся на стуле, будто желая поделиться чем-то засевшим в памяти, прежде чем та наполнится новыми переживаниями.

– Это, случайно, не Барни Грейвз приезжал? – Он подмигнул мне, а я попыталась подмигнуть в ответ.

– Он приезжал буквально на минуту. Увидеться с Ребеккой Грейс. – Самодовольный тон матери всегда раздражал меня, как сыпь от прикосновения к ядовитому сумаху.

Я отложила ножку цыпленка и вытерла жирные пальцы о салфетку.

– Он просто доставил мамин заказ из магазина.

– Но он ведь немного задержался, не так ли? Это было из-за тебя. – Мама опять направила все внимание на отца. – Я пригласила его поужинать с нами в воскресенье после церкви.

Папа посмотрел на меня, в его глазах застыл вопрос – согласна ли я с этим приглашением?

Я встала и пошла к печке.

– Еще зеленого горошка, папочка? Он сегодня очень вкусный!

Когда я вернулась за стол, папа хитро взглянул на маму. Та сделала вид, что ничего не заметила и ничего не поняла. Я села и начала накалывать вилкой по одной горошине, отправляя их в рот в четкой последовательности.

Тишину за столом нарушал лишь стук вилок о старую оловянную посуду. Вдруг мама вскочила со стула и поспешила к окну.

– Я уверена, к нам кто-то приближается со стороны дороги! – Она всматривалась вдаль, затем выпрямилась и улыбнулась. – Вернулся мистер Грейвз, Ребекка! Будет лучше, если ты немедленно выбежишь на улицу и узнаешь, что ему угодно.

– Да, мама. – Я вышла на улицу, но не спешила. Я думала, он хотел пригласить меня на танцы или поделиться какими-то сплетнями. Но дело было совсем не в этом. Он протянул мне телеграмму и велел отдать ее отцу.

Попрощался ли он и приподнял ли шляпу в знак почтения? Я не заметила. Я держала в руках клочок бумаги, а мои ноги тряслись, как у новорожденного теленка.

Все знали, что телеграмма предвещает чью-то смерть.

Глава 3

Я поплелась обратно в кухню, надеясь прийти в себя, прежде чем услышу худшее.

А что, если это Артур, если это его смерть, несущая конец всем нашим мечтам? Я представила, как плачу на его похоронах, а затем покорно иду по церковному проходу к Барни Грейвзу.

Мама ожидала меня у двери.

– Почему ты не пригласила его войти? – Она вытянула шею посмотреть, что делается у меня за спиной.

В ответ я протянула ей телеграмму. Мамино покрасневшее лицо вмиг побледнело, она взяла телеграмму и взглянула на отца.

Потом я подумала про Уилла. Мой брат сражался на Восточном фронте и каждую минуту подвергался опасности. Я тяжело опустилась на ближайший стул. Мама не села и не проронила ни слова. Она вытащила шпильку из тугого пучка волос цвета ореха пекан на затылке и поддела ею конверт.

Я вздрогнула, звук разворачивающейся бумаги резанул мне по сердцу. Мама оставалась невозмутимой. В тот момент я восхищалась ее силой. Намеренная продемонстрировать некую стойкость духа, я выпрямилась, ожидая слов, которые – я была уверена – потрясут меня.

Мама перевела дух, не отрывая взгляда от бумаги, и сказала:

– Это от моей сестры Адабель, она больна. – Ее губы сжались в гримасе.

Мое тело расслабилось. Тетя Адабель. Я видела ее всего два раза в жизни, но на мой выпускной в прошлом году она прислала шаль и коротенькую записку. Впервые я увидела ее, когда мне исполнилось семь или восемь лет. Я помнила мягкие объятия, широкую улыбку, зеленые глаза и гладкую кожу. Она пошла, взяв меня за руку, в курятник собирать яйца и всю дорогу расспрашивала меня. Нравится ли мне школа? Кто мой лучший друг? Хороший ли Уилл старший брат? Что мне нравится больше: играть в куклы или лазить по деревьям? И когда я отвечала, она слушала. В тот день мы нашли двенадцать яиц. Тетя аккуратно обернула каждое, прежде чем уложить в корзину. Я раздумывала – знает ли она, как мама не любит, когда я разбиваю яйца до того, как принести их на кухню?

Но когда сестры стали общаться, тетя Адабель изменилась. Смех застыл у нее на губах, блеск в глазах исчез. С мамой они разговаривали короткими, неловкими фразами. Я не понимала, почему они держатся на расстоянии друг от друга. Я только знала, что мама не одобряла поведения своей сестры.

А с маминым неодобрением шутки были плохи. Но тем не менее какая-то часть меня всегда лелеяла те воспоминания о моей тетке. И они придали мне силы задать вопрос:

- Что мы будем делать, мама?

- Делать? - Искра презрения, прозвучавшая в одном слове, была так сильна, что могла разжечь огонь по всей степи.

Я посмотрела на папу. Он вытер рот салфеткой, встал и отодвинул стул. Тот проскрежетал по полу, будто призывая слушать последовавшие за этим слова.

- Она совсем одна в этом мире, Маргарет. У нее нет никого, кроме нас.

Мама опустила руки в кадку, наполненную водой. Я наблюдала, как она потерла кастрюлю, сполоснула ее и поскребла снова.

Отец стоял, заполняя собой маленькую комнату.

- Я надеюсь, ты поступишь правильно. Все-таки она твоя родственница. - Потом отец сделал три шага, и дверь с москитной сеткой захлопнулась за ним.

Руки мамы замерли. Я задержала дыхание, молясь о безопасности Артура и, конечно же, Уилла. Меня бросило в жар, когда я осознала, что если и придет телеграмма о кончине Артура, то точно не нам, а его матери!

Мама вновь начала мыть посуду, в кадке раздалось позвякивание.

- Я думаю, ты могла бы поехать.

Сначала я не была уверена, что вообще что-то услышала. Может быть, эти слова прозвучали в моей голове - то, что я хотела услышать от мамы? Даже несмотря

на то, что мне сейчас девятнадцать, маме не понравится мысль о том, что мне придется путешествовать в одиночку.

Я уставилась на ее застывшие плечи. Ее руки, не переставая, мыли посуду. Да, скорее всего мне просто показалось. Я потянулась через стол, чтобы взять папину тарелку.

- Ты сможешь это сделать, Ребекка?

Мое внимание перескочило на маму.

- Что сделать?

Вытирая руки о фартук, она пожала плечами, что было совершенно не характерно для нее.

- Поехать в Техас и поухаживать за своей тетей.

Техас! Место, где Артур бороздил бескрайнее небо! Дыхание замерло у меня в груди. Только Господь мог заставить маму захотеть послать меня в Техас, к Артуру, и прямо сейчас! Артур был для меня будущим, предназначенным свыше! Происходящее не могло означать ничего иного.

- Поехать самой? - Мой голос чуть дрогнул - то ли от нервов, то ли от возбуждения.

Мама оперлась о комод, скрестила руки на груди и ответила:

- Да.

Мне хотелось закричать и пуститься в пляс в знак своего согласия, но я понимала, что мама вряд ли оценит такую бурю эмоций.

- Я постараюсь сделать все возможное, мама.

Ее губы изогнулись в легкой улыбке, будто она одобрила мой ответ, но казалось, она все еще раздумывает, отправлять меня или нет. Я не отвела взгляда. Я хотела дать ей понять, что я уже достаточно взрослая и зрелая, чтобы отправиться в Техас. Я была готова принять этот вызов и изменить привычный жизненный уклад, как поступил мой брат. И если это приключение приведет меня ближе к Артуру, что ж, это к лучшему.

* * *

К вечеру мой чемодан и дорожная сумка стояли у двери, готовые отправиться в предрассветное путешествие на вокзал. Мама говорила напутственные слова и давала рекомендации в дорогу, которые я старалась запомнить, но одно я знала точно – моя остановка Пратер Джанкшен, штат Техас. Мама рассчитывала, что там кто-нибудь сможет мне подсказать, как найти дом тети Адабель.

Я не имела ни малейшего понятия о расстоянии между Пратер Джанкшеном и Далласом, но ведь сейчас поезда везде ходят, не так ли?

А вдруг Артуру удастся нанять повозку с кучером или даже автомобиль и приехать навестить меня? Я была уверена, что у нас все получится.

Спустя долгое время после того, как погасли последние огни, я сошла вниз по ступенькам, стараясь не наступить на скрипящую пятую, и прошла по длинному коридору. На веранде я на ощупь попыталась зажечь фитиль маленького светильника. Наконец он загорелся, образовав небольшой кружочек света.

Октябрьский воздух обдувал мою ночную сорочку, пока я сидела за письменным столом, перо ручки замерло над листом бумаги. На чистый лист капнули чернила, оскверняя его и опережая мою нерешительность.

Я еду к тебе, мой дорогой Артур! Завтра ночью я уже буду в доме моей тети Адабель Уильямс, которая проживает в Пратер Джанкшене, Техас. Пожалуйста, адресуй свои письма ко мне на тетин адрес. Я с огромным нетерпением жду нашей следующей встречи.

Твоя любовь навеки,

Ребекка Грейс Хэндрикс

Прежде чем написать адрес на конверте, я подышала на замерзшие пальцы. Наклеив марку, затушила светильник, в темноте добралась до кухни и положила письмо в сумку. Я отправлю его завтра утром, по пути. Затем буду ждать. Вскоре Артур найдет меня, напишет письмо или приедет сам.

Аккуратно ступая, я прошла обратно в свою спальню, но не спала. Я провела ночь у окна, опустив подбородок на низкий подоконник и наблюдая за луной, путешествующей по усыпанному звездами небу.

Господь наконец нашел возможность увезти меня из Даунингтона. Не только у Артура выросли новые крылья!

Глава 4

В закатном солнце поля отливали оранжевым, поезд замедлил ход, кондуктор объявил остановку в Пратер Джанкшене. Прозвучал свисток, означающий наше прибытие на станцию. Я размышляла, испытала бы мама облегчение, узнав, что ни один незнакомец не пытался завести со мной беседу, или была бы разочарована, что мне не пришлось применить ее совет и положить конец всяким разговорам одним лишь молчаливым взглядом? Хотя я бы так не поступила. Было бы интересно побеседовать с неизвестным мужчиной, который после сошел бы с поезда и исчез из моей жизни. Но возможность так и не представилась.

В открытые окна врвался черный дым. Я кашляла, пока наконец не выбралась на воздух, на платформу. Впервые в жизни я покинула Даунингтон, дом был очень-очень далеко! Мои губы непроизвольно расплылись в улыбке, а ноги хотели пуститься в пляс. Вместо этого они подпрыгнули, когда раздался гудок и поезд поехал дальше.

На юбку дорожного костюма осел пепел. Я стряхнула его, задрала вверх подбородок, готовая к встрече с приключением.

Но с чего же начать?

Никого не было возле железнодорожных путей. Неужели больше никто не сошел с поезда? Я не могла вспомнить. Каблуки моих шнурованных ботинок громко стучали по гладким доскам. Я дошла до маленького здания в конце платформы и заглянула в окна. Пустой зал ожидания напротив пустой кассы.

Я обернулась и окинула взглядом местность за станцией. Несмотря на то что уже были сумерки, я поняла, что Пратер Джанкшен может предложить еще меньше, чем Даунингтон. Но это не важно. Я поставлю на ноги тетю Адабель, и она поможет мне добраться до Далласа, к Артуру. Тогда и начнется настоящая жизнь!

Я спустилась на две ступеньки и оказалась на изрезанной колеями дороге, которая пересекала пути. Вдруг у моего уха заржала лошадь. Я выпустила из рук чемодан и с визгом отскочила назад – передо мной танцевали копыта! Позади испуганного животного покачивалась пустая повозка.

Я протянула руку и коснулась бархатного носа.

– Вот так... спокойно, хороший мальчик. – Я поглаживала его, пока лошадь не успокоилась.

Вдалеке раздались голоса. Я подняла голову, стараясь рассмотреть говорящих людей, но здание вокзала закрывало мне вид. Наверняка кто-то из них был владельцем этой повозки и лошади. Но становилось все темнее, здания отбрасывали все более глубокую тень, а голоса стали затихать. В воздухе слышалось лишь стрекотание цикад и отдаленное мычание скота.

Приглушенные звуки музыки донеслись из здания, расположенного на главной улице. Свет, льющийся из квадратов его окон, разгонял серые сумерки.

Мысль о том, чтобы постучать в чужую дверь и спросить дорогу, вселяла в меня ужас, поэтому я решила подождать, пока кто-нибудь не придет и не заявит права на лошадь и повозку.

Спускающаяся ночь остудила дневной жар, было приятно тепло, но я все равно дрожала. Подхватив чемодан, я пошла обратно на платформу. Вдруг нога ударилась обо что-то твердое, из-за веса чемодана меня занесло вперед, прямо на доски, устилавшие платформу. Нога подвернулась, и я вскрикнула от боли. Тут меня подхватили сильные руки и поставили на ноги.

- Эй! Нелли! Аккуратнее! - Лица говорившего не было видно - его скрывали поля шляпы.

- Спасибо, сэр.

Я сделала шаг назад, постанывая от боли в лодыжке. Приподняв ушибленную ногу и касаясь земли лишь носком ботинка, я попыталась выпрямиться, балансируя на одной ноге с подобающим достоинством.

- Вы поранились? - Мужчина сдвинул шляпу на затылок, прежде чем придержать меня за локоть.

- Нет, сэр, я справлюсь.

Он внимательно посмотрел на меня, понимая, что не знает, кто стоит перед ним.

- Добро пожаловать в Пратер Джанкшен, мисс...?

Высокомерно вскинув брови, я постаралась скопировать одно из маминых выражений лица, но это было так нелепо, что я засмеялась, он подхватил мой смех.

- Меня зовут Ребекка Хэндрикс, а кто вы?

- Генри Джефрис, шериф. - В знак приветствия мужчина приподнял шляпу и чуть склонил голову.

- Шериф? Как я могла заметить, вы прекрасно встречаете приезжих!

Мне показалось, или он покраснел?

– Может быть, вы сможете мне помочь? Я ищу сестру моей матери – Адабель Уильямс. Я приехала, чтобы ухаживать за ней некоторое время.

Радужное выражение его лица чуть погасло, но я не поняла: мне так просто показалось из-за тусклого освещения, или было что-то еще?..

– Я отвезу вас к ней. У вас есть еще багаж, кроме этого чемодана? – Он оглянулся, прежде чем поднять мой чемодан и направиться к дороге.

– Нет, это все. – Я попыталась последовать за ним, но как только сделала первый шаг, меня пронзила жгучая боль. Я легонько вскрикнула.

– Простите меня. – Шериф вернулся и помог мне спуститься по ступенькам. – Ждите здесь!

Мужчина торопливо прошел мимо лошади и повозки и исчез за зданием, стоящим впереди. Где-то вне поля зрения заработал мотор. Затем к платформе с мерным пытением стал приближаться старомодный автомобиль.

Шериф Джефрис выскочил из него, положил багаж на заднее сиденье и открыл дверь, помогая мне забраться в машину.

Мы тронулись вперед, в сумерки. Одной рукой я держала сумочку, а другой придерживала шляпу. Впереди нас по дороге двигались тонкие лучи света.

Однажды я ездила на машине вместе с Барни Грейвзом, у него «форд» модели «Т», вместе с другими пассажирами, конечно же!

Что подумает обо мне мама – я еду одна с незнакомцем! Хотя тут же мелькнула мысль – вряд ли я ей об этом расскажу.

Машину больше не трясло на ухабах. Я перестала придерживать шляпу и посмотрела в сторону, разглядывая своего попутчика. Отлично сшитый костюм, хотя мама бы наверняка недовольно хмыкнула, увидев, какой он помятый. Большие, гладкие руки, крепко держащие руль. Его взгляд был прикован к дороге.

Мы наскочили на колею. Я подпрыгнула на сиденье, шляпа коснулась крыши автомобиля. Я, очевидно, вскрикнула, потому что шериф притормозил.

– С вами все в порядке?

– Все прекрасно! – У меня даже щеки болели, так долго я улыбалась.

Машина вновь набрала скорость. Мне не было видно, как пыль оседает на белую блузку, но я была уверена, это происходит. В доме моей тети мне придется хорошенько ее почистить. А пока что я хотела насладиться поездкой.

– Вы хорошо знакомы с моей тетей? – спросила я.

Прежде чем ответить, шериф заколебался.

– Достаточно хорошо.

Что-то в тоне его голоса пробудило мой интерес.

– А какая она?

На мгновение он повернул ко мне голову, брови сошлись на переносице.

– Разве вы не знаете ее?

– Я встречалась с ней. Но она и моя мать не... – Как бы мне ответить на этот вопрос, не рассказывая ничего дурного про мою маму и ее сестру?

Шериф долго и протяжно свистнул.

– А я все думал, почему не слышал о вас раньше...

Мне стало приятно, что тетя Адабель не рассказала всему городу о наших семейных делах. Я бы не хотела, чтобы кто-то знал об их ссоре с мамой, которую я услышала во время второго и последнего визита к нам тети Адабель.

– Я не понимаю, Адабель, почему ты не хочешь сюда переехать? – вопила мама, будто Адабель было, как и мне, одиннадцать лет.

Мама думала, что я помогаю отцу и Уиллу на южном поле, но я вернулась домой взять прохладного лимонада, услышала голоса и проскользнула под крыльцо. Там я и лежала, на сырой земле, обратившись в слух.

– Я прожила одна вот уже десять лет, Маргарет. Мне нравится. Мне бы не хотелось, чтобы кто-то указывал мне, что делать!

– Кроме твоих работодателей, конечно!

– Я имею в виду указывать, как жить. Я сама принимаю решения, они просто определяют мой круг обязанностей в их поместьях.

– Но женщине жить одной не подобает!

– Почему? Я вдова, Маргарет. Ты и в этом готова меня обвинить?

– Если бы ты не убежала тогда с тем парнем! В шестнадцать это было еще слишком рано!

– Я любила его! И по-прежнему люблю! – В голосе тети Адабель прозвучала грусть.

Она уехала, больше ни с кем не встречаясь и не попрощавшись. И мама никогда не вспоминала о ее визите. Вообще никогда.

Любила ли тетя Адабель своего мужа так же, как я люблю Артура? Я надеялась, что это так. На самом деле я даже рассчитывала на это. Вглядываясь в темноту, я поинтересовалась у шерифа:

– Тетя Адабель болеет уже давно?

– Нет... – Он ответил так, будто думал, что я и сама знаю ответ на вопрос. Потом он глянул на меня еще раз.

– Она прикована к постели? – Я видела, как его глаза сузились, словно он пытался увидеть что-то, находящееся очень далеко. Я сама прищурилась, но единственное, что было видно, это дорога.

– Там, откуда вы приехали, вы видели больных гриппом?

Я не слышала ни о каких вспышках гриппа в нашем городе, правда, я не уделяла внимания тому, что происходит в жизни окружающих, меня интересовала лишь моя собственная.

Тем не менее я почувствовала облегчение. Я сама никогда не болела гриппом. Неделя в постели или чуть больше – и тетя Адабель будет снова на ногах, разве не так? А после этого я смогу выяснить, как добраться до Артура.

Тишина висела между нами, как кривая фотография.

– Это то, чем тетя болеет? У нее грипп?

– Да, но... – Его губы опять плотно сжались.

– Но что?

Машина замедлила ход. Двухэтажная ферма вырисовалась на темнеющем горизонте.

– Это ее дом?

– Да. – Долгое, неуверенное слово.

Так же неуверенно почувствовала себя и я, прижимая телеграмму к нервно вздымающейся груди. Почему его поведение так меня беспокоило?

Из окон нижнего этажа лился свет. Я отбросила все сомнения. Наверняка шерифу неизвестно истинное положение вещей. Он, скорее всего, представлял болезнь моей тети намного хуже, чем все обстояло на самом деле.

Мы проехали вдоль низкого дощатого забора, который заканчивался во дворе дома, и остановились у задних ворот. Я опустила на землю ноющую ногу и вышла из машины. Боль заставила меня поморщиться, но было терпимо. Я взяла шерифа под руку, и он повел меня к двери, похоже, кухни. Мы вошли в темную комнату, над посудой витал затхлый запах несвежей еды.

– Идите сюда.

Шериф поспешил отвести меня в комнату напротив кухни, в которой горел свет. Тысячи вопросов, чуть не сорвавшись, замерли у меня на губах, при виде девочки со всклокоченными волосами. Ее грязное платье безвольно свисало, а босые ноги стояли на холодном полу. Я отступила назад. Ребенок ухаживает за моей тетей?

– Олли Элизабет, – сказал шериф Джеффрис, кладя руку на голову девочки и убирая волосы со лба, чтобы можно было увидеть ее лицо, – это племянница мисс Ады. Она приехала помочь.

Девочка перевела взгляд своих больших глаз на меня, затем посмотрела на мужчину: было очевидно, что она его знает. Она откинула непослушные волосы от лица, прежде чем прошептать в замершее пространство:

– Я сказала мисс Аде, что мистер доктор придет.

– Я уверен, что он сделает все возможное, чтобы добраться сюда. Не волнуйся.

Девочка с серьезным лицом кивнула. Затем она подняла голову и посмотрела на меня еще раз.

– Если ты собираешься остаться, то можешь воспользоваться моей комнатой.

Она прошла мимо нас на цыпочках вперед, по темным ступенькам.

Шериф кивнул мне, чтобы я следовала за ней. На данный момент другого выбора у меня не было.

Глава 5

Олли Элизабет провела меня по узкой лестнице. Боль в лодыжке отдавала на каждой ступеньке. Но ботинок не жал, значит, нога не сильно распухла. Когда мы поднялись наверх, девочка открыла первую из двух дверей. Ее петли заскрипели, как колени старика. Ночной воздух задувал в щели между окном и подоконником, запах дров гулял по углам.

Я поежилась, но скорее от тяжелой атмосферы этого места, чем от холодного воздуха. Тонкий луч луны, проникавший через окно, позволял разглядеть кровать у одной стены и комод у противоположной. Простота убранства напомнила мне о родном доме. Я расслабилась, отругав себя за то, что слишком впечатлилась зловещими предчувствиями шерифа Джефриса.

Олли оставалась на том же месте – спиной к открытой двери.

– Это твоя комната? – спросила я.

Девочка подняла одно плечо.

– Я раньше спала здесь, но после того, как папа уехал, Джеймсу нравится, когда мы все вместе. – Она кивком показала на соседнюю дверь и опять откинула прядь волос, которая закрывала ей глаза.

Раньше? Папа? Джеймс? Чего еще я не знала о жизни тети Адабель? Я прикусила губу, не зная, о чем можно спросить этого ребенка. Поэтому я положила руку на ее хрупкое плечико, присела и посмотрела ей в глаза.

– Теперь я здесь, дорогая. Все будет в порядке.

У девочки опустился уголок рта. Она что, не поверила мне?

– Ты иди спать. Я здесь со всем разберусь.

Девочка открыла рот, словно собираясь запротестовать, потом закрыла его и, как испуганный заяц, потрусила в соседнюю комнату.

Я поставила чемодан возле комода и уставилась на стену, разделяющую спальни.

Безусловно, тетя Адабель нуждалась в помощи. Я знала, что могу навести порядок в доме и готовить пищу, но я никогда самостоятельно не брала на себя ответственность за ребенка. На самом деле у меня вообще не было никакого опыта в общении с детьми, кроме младших учеников в школе. Но, кажется, Олли вполне самостоятельна. Очевидно, что до сих пор со всем в доме управлялась она.

Выйдя в коридор, я на ощупь, опираясь о стену, нашла лестницу и сошла вниз. Перед тем как шериф уедет, мне необходимо задать ему несколько вопросов. Выбившиеся кудри щекотали мне лицо, пока я неуверенно шла по направлению к освещенной комнате. Я остановилась и слепо заморгала, выйдя из темноты на яркий свет.

– Вот и она, Адабель! – В голосе шерифа была нежность, которая удивила меня.

Мои глаза привыкли к свету, а нос к ошеломляющему запаху камфары и мяты. Шериф стоял возле кровати и держал маленькую руку моей тети. Я изучала лицо уставившейся на меня из-под кучи стеганых одеял женщины. В ней я не увидела и подобия черт, сохранившихся в моей памяти как лицо тети Адабель. Не было и следа розовых щек и сияющих глаз. Ее кожа плотно обтягивала кости, а вовсе не была мягкой и здоровой, как запомнилось мне.

Я попыталась сдержать вздох, но он вырвался и разнесся в тишине комнаты.

Голова шерифа резко вздернулась. Он уставился на меня, будто по комнате вихрем пронеслись мои панические мысли. Потом он смягчился и показал, что мне следует взять стул и сесть возле кровати. Я сделала так, как он предложил, но была уверена, что, когда я взглянула на него, мои глаза были такими же большими, как кувшинки на глади водоема. Мама никогда не допускала меня в комнату больных. Когда болели папа или Уилл, она всегда ухаживала за ними сама.

Я попросила бы шерифа остаться.

Но он вряд ли сможет. Не на всю ночь. Не без компаньонки в доме.

Он пристально посмотрел на меня.

- Теперь ты в хороших руках, Адабель!

В знак согласия я слегка склонила голову. Я не уверена, что мои руки так уж хороши. Они молоды, неопытны, незрелы. А то, чем болела тетя, совсем не походило на симптомы гриппа, которые я видела раньше. Было очевидно, что тетя Адабель серьезно больна, эти ее запавшие темные глаза, бледное лицо. Я не знала, как ухаживать за такими тяжелыми больными.

Шериф Джефрис лишь кивнул.

- Доктор Ризингер придет снова, как только сможет.

- Спасибо... - раздалось с кровати сквозь хрип. Затем судорожный вдох - и изо рта вырвалось слово «шериф».

Мужчина поднялся. Я последовала его примеру и пошла за ним к двери.

- Вода в тазу, - сказал он мне. - Меняйте холодные компрессы.

- Кто... - Я едва проглотила комок, стоявший в горле. - Кто такая Олли? Я должна и о ней заботиться?

Шериф потер лицо рукой.

- Адабель заботилась об Олли Элизабет, ее братьях и сестре с тех пор, как умерла их мать. Пока их отец воюет с немцами, они нуждаются в ком-то, кто позаботится о них.

Я пыталась осознать сказанное. Братья? Сестра? Разве у них нет родственников?

- Я приеду завтра, хорошо? - Он надел шляпу и ушел прежде, чем ко мне вернулся голос и я могла бы запротестовать.

Наблюдать за внезапно опустевшей после его ухода комнатой было все равно что смотреть, как в колодец опускается веревка и исчезает в небытии, и только звук наполняемого ведра означает, что она достигла дна.

Мой знак о том, что дно достигнуто, пришел в форме еще одного судорожного вздоха, раздавшегося с кровати рядом. Я заставила себя улыбнуться, смотря в лицо больной. Вспомнив про компрессы и холодную воду, я опустила в таз сухую ткань, отжала ее и положила на лоб тети.

– Я думаю, вы не узнали меня, тетя Адабель. Я Ребекка. Моя мама – ваша сестра – послала меня приглядывать за вами. – Звук моего собственного голоса успокоил меня.

Тетю сотряс приступ кашля. Я отступила от кровати, лоскут ткани при этом повис у меня в руках, и подождала, пока кашель не затихнет. Она протянула мне руку. Я подошла к кровати, в животе все похолодело от паники.

– Красивая, – прошептала она.

Что она имела в виду?

– Уже осталось недолго. – Медленные, усталые слова.

– Не волнуйтесь, тетя Адабель! – Я обернула ее горящие щеки холодной тканью. – Теперь я здесь. Скоро вы встанете на ноги. Я обещаю.

Мой голос звучал куда более уверенно, чем я себя чувствовала.

* * *

Я дремала на стуле, временами просыпаясь то ли от тишины, то ли от стонов тети. Каждый раз, стряхивая сон с лица, ставила еще один холодный компресс на голову тети, пылающую от жара.

Наутро кожа тети Адабель стала еще темнее. Или, может быть, свет угасал? Я посмотрела на лампу, стоящую на прикроватном столике, но прозрачная колба

показывала, что там достаточно керосина, и ее пламя сверкало на прикрученном фитиле.

Я приложила еще один мокрый компресс к ее лбу. Коснувшись лица тети, мои пальцы нагрелись, будто я взялась за свежий хлеб прямо из духовки. Если бы только мама позволила мне наблюдать, как она ухаживает за теми, кого любит! Но она никогда не позволяла. Поэтому я продолжила делать то, что подсказал мне шериф.

Он обещал, что приедет доктор. Но когда? Дрожащими руками я попыталась собрать растрепанные волосы, стараясь заправить непослушные пряди в нужные места. Затем я принялась разглаживать переднюю часть юбки: ткань была помятой и выглядела как морщинистые руки старухи.

Мрак за окном начал сереть. Темные пятна, почти фиолетовые, исполосовали пепельные щеки тети. Разве это нормально при гриппе? Из рта к подбородку потекла темно-красная струйка. Она коснулась верхнего края белого одеяла и окрасила его в кроваво-красный цвет.

Мое сердце практически остановилось. Я вскочила со стула и вытерла ее подбородок, прежде чем отодвинуться подальше от кровати и крови. Несмотря на всю мою неосведомленность, я тем не менее знала, что это не предвещает ничего хорошего. Моя спина коснулась стены. Я сползла на пол, подтянув колени к груди. Судорожные, дрожащие вдохи заполнили комнату. Я очень хотела убежать, послушать вместо этого шелест ветра среди деревьев или бег воды по камням в ручье. Я не ожидала этого! Мне хотелось лишь сбежать с фермы и отправиться на поиски приключений!

Через некоторое время после рассвета ко мне подошла Олли – светлые волосы спутаны, глаза полны слез, которые никак не прольются. Она обняла меня за шею и прижалась щекой к моей голове. На меня снизошло облегчение, как только я ее обняла. Мы обнимались всего лишь мгновение, прежде чем я встала на дрожащие ноги и взяла Олли за руку. Мы пошли обратно к стулу возле кровати. Я посадила Олли к себе на колени. Она дотянулась до руки тети Адабель и держала ее в своих маленьких ладошках. Я вытерла тканью подбородок тети, который был уже весь залит кровью.

Тетя застонала, длинно и протяжно, все ее тело сотрясал кашель, затем пролилось еще много крови на одеяло, на этот раз и из носа. Олли не отшатнулась, когда я наклонилась, чтобы вытереть тетино лицо. Она лишь поднесла к губам ее восковую руку, поцеловала и положила обратно под одеяло.

Сверху раздались приглушенные удары. Я подняла голову, будто могла увидеть сквозь потолок, что там происходит. Облизала сухие губы.

Олли слезла с коленей.

– Я приведу их. – Девочка распрямила плечи. – Вчера вечером я замочила кукурузную кашу. Мама научила меня делать ее до того, как она... До того, как Дженни... – Девочка ушла из комнаты, не добавив больше ни слова, ее маленькое тельце склонилось вперед, как молодое деревце на ветру.

Что я здесь делаю? Здесь должен все взять в свои руки кто-то другой! Мама. Врач. Шериф. Точно не я.

– Господи, помоги мне! – Шепот моих слов разогнал безмолвие. Слова, которые не должна была услышать Олли, но которые мне необходимо было произнести.

Тетя Адабель силилась дышать, повернув голову ко мне.

– Дети... пожалуйста... – В перерывах между словами из ее рта лилась кровь.

Одна красная капля попала мне на руку. Я уставилась на темно-красное пятно. Кровь тети на моей руке, такая же течет у нас под кожей. Мама бросила свою сестру давным-давно, я не могла поступить так же.

Отбросив с виска слипшиеся от пота темные волосы тети, я наклонилась ниже и задышала ей в ухо, говоря:

– Я позабочусь о них, тетя Адабель! Я обещаю.

Тетя с трудом перевела дыхание.

– Больше никому о них позаботиться! – Она выкашляла еще один поток крови.

Мои глаза наполнились слезами.

– Я не знаю...

– Господь послал тебя! – Ее слова вознеслись вверх, как и ее дух, освободившись от тела, покинул комнату, и воцарилась тишина.

Глава 6

Не успела я закрыть глаза тети Адабель и дойти до кухни, как начался дождь. Мне показалось, что это весьма символично – небо плачет слезами, невыплаканными Олли Элизабет. Могу сказать, что она знала о кончине тети, хотя я ничего вслух не говорила. Наблюдение за ее решимостью быть сильной напомнило мне о маме, и мне захотелось зарыдать вместе с небесами.

Войдя в кухню, я увидела двух маленьких мальчиков. Их нетерпеливые личики уже были измазаны кашей. Олли поставила на стол еще одну миску, на этот раз перед стулом, который стоял в конце стола, и я предположила, что это место обычно занимала тетя.

Я должна была сама заняться завтраком, но почувствовала, что девочке необходимо придерживаться ранее заведенного распорядка, поэтому я села. Мальчики уставились на меня широко открытыми глазами, а тем временем их ложки мерно переносились от тарелки ко рту и обратно.

Олли налила патоки поверх бесцветной массы в моей миске.

– Спасибо. – Я сумела взять ложку и воткнуть ее в плотную сладкую массу.

Я бы не пренебрегла этой едой ни за что на свете, но сейчас мне вообще не хотелось есть. Тетя Адабель лежала мертвая в другой комнате. И я понятия не имела, что делать дальше.

Олли осталась стоять возле моего стула. Я наполнила ложку кашей, сунула ее в рот и с усилием протолкнула дальше.

– Это Джеймс и Дэн. – Девочка кивком указала на мальчиков, своих братьев. – Джеймсу только исполнилось шесть, а Дэну четыре летом.

– Очень приятно с вами познакомиться, – ответила я, чувствуя себя крайне глупо.

Они посмотрели друг на друга. Мысли, которыми они обменялись, были понятны мне без слов.

– Это... – Олли запнулась, посмотрев на меня.

– Ребекка, – закончила я за нее.

Вдруг раздался крик. Крик ребенка. У меня все внутри похолодело. Сколько лет младенцу? Он уже может есть? Ходить? Разговаривать?

Олли понеслась вверх по лестнице, Джеймс нахмурился, и Дэн тут же повторил выражение лица брата.

Я не знала, что им сказать. Мне не приходилось разговаривать с маленькими мальчиками. И уж тем более с теми, которые лишились матери и той, кто занял ее место. Как мне сказать им, что мисс Ада умерла? Понимают ли они в полной мере значение слова «умерла»?

По телу прошел озноб. Я прижала руки к лицу и предложила мальчикам подложить еще топлива в печь.

Джеймс и Дэн слезли со скамьи.

– Ты берешь два полена, а я три, – решил Джеймс.

– Я могу и три принести! – Дэн заторопился за братом, его лицо горело нетерпением.

Когда они появились снова, их маленькие ручки были полны поленьев. Дровяная печь? Дома мы пользовались углем, есть ли разница? Пока я подошла ближе, Джеймс засунул поленья в печь и закрыл решетку.

Мое беспокойство быстро переросло в удовлетворение, по крайней мере, если смотреть на печь снаружи.

Шесть горелок и чайник или кофейник, греющийся сзади. Теплая полка и резервуар для горячей воды – больше и новее, чем у мамы. Я смогу с этим справиться, даже несмотря на то, что топливо другое. Может быть, дровяная печь понравится мне так сильно, что я попрошу Артура приобрести такую же для нашего дома.

Вернулась Олли, держа на руках круглолицую малышку с золотистыми волосами.

– Ой! – Я взяла похожего на ангелочка ребенка на руки.

По моей оценке, ей было семь или восемь месяцев от роду. Ребенок взял меня за палец и поднес к своему розовому роту.

– Как зовут это милое дитя?

– Дженни.

Я покачала малышку с ямочками на щечках взад-вперед. Она засмеялась и захлопала в ладоши. Я прижалась к ее щеке и вдохнула запах хлопковой одежды, согретой солнцем. В следующее мгновение она повернула распростертые руки к сестре, вдруг осознав, что я была незнакомкой.

– А она разве тоже ест кукурузную кашу? – спросила я.

Олли наклонила голову и ответила:

– Конечно.

Мои щеки запылали. Мне следовало это знать.

– Я приготовлю ей завтрак.

– Только немного. – Олли подвинула высокий стул к столу и усадила на него сестру. – И никакой патоки, только немного молока.

Я кивнула и принялась за работу, но когда я достала кувшин молока из испарительного охладителя, остановилась. Молоко! Его дает корова...

Я пыталась скрыть волнение в голосе:

– Олли, дорогая, у вас есть корова?

– Да, мэм. Старый Боб. – Она взяла миску из моих рук и принялась кормить сестру.

– Боб? – Может быть, она неправильно поняла мой вопрос?

– Джеймс назвал ее так, когда был еще маленьким. Он не знал, что молоко дают только коровы-девочки.

– Ясно. – Мой лоб разгладился. Интересно, это дом моей тети или этих детей? Тетя Адабель приняла их или сама сюда переехала? Мне очень нужно было получить ответы на некоторые вопросы.

Сняв с крючка у двери в коридоре большую шаль, я накинула ее на голову и плечи. Единственное, в чем я была сейчас уверена, это в том, что корову нужно доить. Каждый день. Два раза в день! Я предположила, что кто-то другой выполнял эту задачу ранее, но если они знали о моем приезде, то наверняка оставили эту работу мне. Я приготовилась выйти в грязный из-за дождя двор.

– А можно мы тоже пойдем? – Джеймс заглянул мне в глаза. – Мисс Ада всегда разрешала нам помочь.

Рядом закивал Дэн. Как я могла не согласиться? Они пока не знали, что мисс Ада уже улетела на небеса.

– Олли, позаботься о Дженни. – Я раскрыла полы шали, мальчики стали у моих ног, и мы вышли под стену дождя. Мы прошли мимо ворот и сада так быстро, как только могли передвигаться ноги малышей.

Мычание Старого Боба становилось все громче. Я подхватила Дэна на руки и пронесла его весь небольшой остаток пути.

К тому времени как мы открыли ворота хлева, наша одежда вся вымокла.

Отчаянный зов коровы поощрил меня двигаться вперед. Я умела доить. Я делала это с тех пор, как стала чуть старше Олли. Я взяла ведро у стены, а возле стойла нашла стул.

Старый Боб посмотрела на меня благодарными глазами, когда я начала ее доить равномерными движениями. С каждой струей молока, бьющейся о ведро, у меня в голове рождались вопросы. Какое отношение моя тетя имела к этой семье? Как умерла мать этих детей? Когда вернется их отец?

Наконец я выдоила последнее молоко, похлопала корову по бедру и встала.

Передо мной открылась картина всего хлева. Стойла для лошадей – несколько штук, пустых. С другого конца – двойные двери.

Вдруг ржание прорубило воздух.

– Что там?

Джеймс и Дэн перестали играть в догонялки, щеки покраснелись, они едва переводили дух.

Наконец Джеймсу удалось проронить несколько слов.

– Том и Хак, это наши мулы.

– И Дэнди! – добавил Дэн.

- Дэнди - это папина лошадь.

Папина лошадь.

- Значит, это ферма вашего отца?

Джеймс кивнул, Дэн присоединился к брату.

На один вопрос получен ответ, осталась еще тысяча.

На улице прогремел гром. Я завела мулов и лошадь в пустые стойла. Чтобы пуститься в обратный путь домой под дождем, вновь накрыла детей шалью. У мальчиков после похода в хлев с одежды все еще капала вода. Ну да ладно. Они все равно пойдут под дождем, и им уже не страшно.

Я позволила им бежать вперед, хотя и сама не сильно отставала.

- Ждите на крыльце! - закричала я, увидев, как они промчались в ворота и побежали к дому.

Затем я заметила лошадь, покрытую попоной и привязанную к забору.

Я поставила ведро с молоком на крыльцо и прошла мимо мальчиков.

- Снимите мокрую одежду и бегите наверх переодеваться! - крикнула я им, пока подол моей мокрой шали шлепал по крыльцу.

На полу я увидела мокрые следы и пошла за ними, хотя было и так ясно, куда они ведут - в спальню тети Адабель.

Мужчина в темном костюме стоял у кровати. Олли выглядывала из-за него, Дженни тихо лежала у нее на руках. Я взяла ребенка на руки, пока мужчина - доктор, как я поняла по черному саквою, который он принес, - повернулся. Олли бросилась ему на грудь. Серые усы мужчины дрогнули, рыдания девочки взорвали неестественную тишину.

Я заморгала, прогоняя набежавшие слезы. Слезы горя и облегчения. Доктор бросил на меня взгляд из-под кустистых бровей, а затем перенес все внимание на Олли.

– Успокойся, деточка. – Он опустился на колени. Олли положила голову ему на плечо и обвила руками шею. – Мисс Ада больше не болеет. Помнишь, ты же хотела, чтобы она не болела. – Он мягко выговаривал слова, и было ясно, что его родина где-то за пределами берегов Америки.

Олли покачала головой, когда он поднял ее на руки. Я убаюкивала Дженни. Взгляд мужчины скользнул мимо меня и остановился в дверях. Я обернулась. Там стояли Джеймс и Дэн, голышом, ничего не стесняясь. Их глаза были широко распахнуты, в лицах ни кровинки.

Мои щеки запылали.

– Оденьтесь, мальчики! – Я вытолкала их из комнаты, став в проеме двери и закрыв вход. Они побежали вверх. Закусив губу, я повернулась к пожилому мужчине.

Он уже поставил Олли на пол.

– Если ты пойдешь и присмотришь за малышами, – сказал он ей, – то мы здесь займемся делами.

Девочка кивнула и забрала у меня Дженни. Я отступила от прохода. Еще раз задержав взгляд на фигуре в постели, Олли присоединилась к хаосу, царившему наверху.

Мужчина кивнул мне, когда Олли ушла.

– Шериф сказал мне, что вы приехали.

– Да, но слишком поздно. – Я глянула на восковое лицо тети Адабель, лицо, которое напоминало мне о кукле, которую папа подарил мне на мой десятый день рождения.

– Здесь уже ничего нельзя было сделать. Испанка[1 - Испанский грипп, или испанка, – самая массовая пандемия гриппа за всю историю человечества. В 1918–1919 гг. (18 месяцев) во всем мире испанкой было заражено около 550 млн человек, или 29,5 % населения планеты. Умерло приблизительно 50—100 млн человек, или 2,7–5,3 % населения Земли. Эпидемия началась в последние месяцы Первой мировой войны и быстро обошла этот крупнейший на тот момент вооруженный конфликт по масштабу жертв. (Здесь и далее примеч. пер.)] убивает тяжело и быстро. Но, по крайней мере, вы сможете позаботиться о детях.

– Дети. – Я почувствовала, как мое лицо нахмурилось. – Я так понимаю, это ферма их отца?

Мужчина поднял холодную руку тети Адабель и аккуратно положил ее на грудь.

– Френк Грешем. Его жена Клара умерла при родах.

– Дженни. – Мой шепот был едва слышен из-за топанья наверху.

– Френка уже отправили во Францию. Адабель переехала сюда. Она помогала им по хозяйству с тех пор, как они все были еще крошками, все трое. Относилась к ним как к своей семье, которой у нее не было.

Я нахмурилась, но не от неловкости, а от грусти. У тети никого не было, потому что мама отказалась общаться с ней. Как мама могла допустить, чтобы все дошло до такого?

Топот наверху немного успокоился, тишина заглушала мои вопросы.

– Я думаю, вы, наверное, захотите ее обрядить. – Слова доктора прервали мои размышления, и от них у меня пересохло во рту. Неужели он думал, что я знаю, как это делать? Разве в городе не было женщин – друзей тети Адабель, – которые лучше справились бы с этой задачей?

Доктор вышел из комнаты. Я последовала за ним, закрыв за собой дверь.

– У вас не будет времени для того, чтобы тело полежало, как положено. Нам нужно похоронить ее. Наверное, найдется несколько человек, которые смогут отставить свои ежедневные дела и прийти на похороны.

Я не знала, что беспокоит меня больше: то, что он прочел мои мысли, или его намек на то, что тетя Адабель была не единственным заболевшим человеком с летальным исходом.

Я знала, что грипп может сразить старых и молодых, тех, кто уже болел чем-то другим, но моя тетя не соответствовала этому описанию.

– Кто-нибудь приедет за ней? – Из моего горла вырвался хрип.

Доктор почесал за ухом, взъерошив прядь волос, которая не пожелала потом лечь ровно.

– Завтра утром. Рано. Вы сможете всех приготовить?

– Да. – Но смогу ли я действительно подготовить женщину к похоронам? Затем мне в голову пришла еще более ужасная мысль. Как я смогу подготовить детей к этому зрелищу?

– Наверное, детям следует присутствовать... – Я рассчитывала словами прогнать страх, надеясь получить крохотную отсрочку.

Он ответил ворчанием, которое я восприняла как согласие.

– О них больше некому позаботиться. У всех в округе есть собственные дети, требующие внимания. – Промелькнуло ли и на его лице выражение страха?

Я сцепила пальцы изо всех сил, собираясь с мужеством.

– Мы будем готовы.

Прежде чем он вновь заговорил, взгляд его глаз стал строже.

– И не будет прощания в церкви или в здании школы. Я бы не хотел, чтобы инфекция распространялась.

Его слова упали тяжело и глубоко, будто валун свалился в водоем. Затем он открыл заднюю дверь, чтобы уйти.

– Подождите. – Я последовала за ним на крыльцо, под ноги мне попала мокрая одежда мальчиков. – Вы сможете, пожалуйста, послать телеграмму моей матери? Маргарет Хэндрикс из Даунингтона, Оклахома. Вы сможете рассказать ей, что произошло?

Его плечи поникли, будто я нагрузила его еще и двадцатикилограммовым мешком муки, наряду с его обычной поклажей. Но он не колебался, записал всю информацию себе в блокнот, а затем забрался в повозку.

Я стояла во дворе, скрестив руки на груди.

Утром мы похороним сестру моей матери. К завтрашнему вечеру я надеюсь получить весточку от мамы. Она скажет мне, что делать дальше.

Глава 7

Следующее утро прошло не так, как я себе представляла. Но разве все могло пройти гладко? Вокруг меня суетилось четверо детей, жаждущих внимания взрослого, а на меня тяжелым бременем давила неопределенность с похоронами моей тети.

– Мы можем увидеть мисс Аду? – спросил Джеймс.

– Не сейчас.

Дэн повернул ручку двери, ведущую в спальню.

– Нет! – крикнула я, напугав Дженни до слез. Подлетела к Дэну и отогнала малыша – у него аж пятки сверкнули.

Взгляд широко распахнутых глаз Джеймса пробил брешь в моем намерении быть сильной.

– Олли, раздай всем кукурузную кашу. Мальчики, садитесь и ешьте! – Я усадила Дэна на скамью и придвинула ее ближе к столу.

Все повиновались. Когда они выскребали из мисок последние крохи, на заднем крыльце раздались тяжелые шаги.

Я сняла фартук и вытерла Дженни лицо.

– Олли, отведи всех наверх.

Как только топанье затихло, я открыла кухонную дверь. Со шляпы одного из мужчин капала вода. За ним было еще двое, а между ними стоял гроб. Старые мужчины. Я подумала, что молодые, наверное, ушли на войну.

– Вы пришли сюда за... ней? – Слова застряли у меня в горле, как ложка в переваренной каше.

Мужчина кивнул.

– Мистер Криншоу просил передать, что заедет за всеми вами на автомобиле.

– Мистер Криншоу?

– Он владелец магазина в городе. Хотя не знаю, сможет ли его новомодный автомобиль пройти через эту грязь.

Я выдохнула, хотя даже не заметила, как задержала дыхание. Мистер Криншоу с автомобилем. Нам не придется ехать вместе с телом тети Адабель.

Мужчины зашли в дом. Я не могла вынести зрелища, когда пустой гроб вносили в дом, а затем выносили уже с телом, поэтому я торопливо поднялась наверх и помогла детям одеться в их лучшие воскресные костюмы. Тем временем снизу доносились глухие удары, стуки, затем мужчины понесли свою грустную ношу через черный ход.

Чуть позже скрип лошадиной сбруи подозвал меня к окну. Я увидела, как фургон тронулся, простой деревянный короб стоял в нем, лошади месили грязь, размытую водой.

– Вскоре приедет мистер Криншоу. – Я заговорила скорее, чтобы заполнить тишину, нежели сказать что-то детям. – На своей машине.

В глазах малышей загорелись искорки, и тоска по мисс Аде тут же развеялась. Мальчики понеслись вниз по ступенькам и припали к окну возле крыльца, выглядывая автомобиль. Рядом в комнате раньше лежала их опекунша. К счастью, мужчины, выносившие ее из дома, закрыли за собой дверь.

Когда раздался гудок рожка, ознаменовав собой прибытие мистера Криншоу, Джеймс и Дэн поспешили во двор. Олли, Дженни и я вышли на парадное крыльцо и увидели долгового человека, похожего на чучело, державшего на длинных руках мальчиков. Над его головой был раскрыт зонтик, поэтому хотя бы на некоторое время ребята оставались сухими и чистыми.

– Мистер Криншоу?

– Да, мисс. – Он развернулся и пошел вперед. Его длинным ногам нужно было сделать всего несколько шагов, чтобы дойти до машины. Олли промчалась под дождем и забралась на заднее сиденье рядом с мальчиками.

Я села вместе с малышкой на переднее сиденье возле мистера Криншоу. Колеса сначала забуксовали в грязи, но вскоре мы тронулись вперед. Я смотрела прямо перед собой, размышляя о том, где находится кладбище, кто там будет и привезет ли мистер Криншоу нас обратно.

И я беспокоилась о детях. Я знала, что Дженни пребывает в блаженном неведении, а Олли, напротив, угнетена болезненной потерей. Она объяснила братьям про мисс Аду вчера. По крайней мере, она мне так сказала. Я ожидала,

что меня забросают вопросами про небеса, смерть и похороны, но не услышала ни одного. Насколько они все понимали? Меньше года назад умерла их мать. Понимали ли Джеймс и Дэн, что мисс Ада уже никогда не вернется?

Автомобиль повело, и он заскользил по грунтовой дороге. Я ухватилась на край сиденья одной рукой, удерживая другой Дженни. Наконец мы проехали мимо железнодорожной станции и повернули на главную улицу.

Разве только день прошел с тех пор, как я приехала? Та девушка, которая вчера сошла с поезда, была так не похожа на меня сегодняшнюю...

Сейчас мне удалось разглядеть больше, чем в день приезда, несмотря на завесу дождя. На большой вывеске было написано «Галантерея Криншоу».

Рядом с магазином нашего немногословного водителя стояли другие здания, но я не удосужилась прочитать название каждого. За скромными витринами промелькнули несколько домов. Потом городок закончился, началась открытая местность с нетронутой землей, на ней располагалась церковь с белым шпилем, а с другой стороны было кладбище, все в каменных надгробиях.

Мистер Криншоу припарковался близко к белому заборчику, огораживающему святую землю, и заглушил мотор. Он протянул мне зонтик, а сам взял еще один. Дождь усилился, будто подстегивая нас еще быстрее бежать к свежерытой могиле. Джеймс и Дэн старались вести себя достойно. Мы с Олли держали их за воротники рубашек, пытаюсь заставить стоять под зонтиками. У ямы находился мужчина. Его лицо напомнило мне папину собаку, всю в складках, с вечно грустной мордой. В руках он держал черную книгу, и я предположила, что это Библия. Возле него на земле стоял гроб, его свежеструганные края уже были измазаны землей. Я попыталась представить, как тетя Адабель мирно лежит внутри – чистая и холодная. Не та тетя, которую я видела на смертном одре, а та, которую я помнила с детства. С мягкими кудрявыми волосами и смеющимися глазами.

Олли, наверное, думала о том же. Она просунула свою ладошку в мою.

– Мама всегда говорила, что, когда идет дождь, спится лучше всего.

Я схватила ее руку и попыталась выдавить скупую улыбку, но боковым зрением следила за Джеймсом, который навис над ямой, наклонившись вниз. Дэн пробрался вперед, чтобы присоединиться к брату. Оба стояли теперь вне досягаемости моего зонтика, волосы прилипли к головам, одежда облепила маленькие фигурки. Я передала Дженни в руки Олли и пошла к ребятам. Черная грязь набилась в ботинки и сочилась от лодыжки вниз. Я потрясла ногой, подошла к Дэну и привлекла его ближе к своей юбке. Он схватился за ткань своими пухленькими пальчиками, как я и хотела. Затем я положила руку на плечо Джеймса, привлекая малыша к себе. Оба мальчика стояли теперь наполовину скрытые от дождя моим зонтом.

Я не слышала слов проповедника. Вместо этого мой взгляд блуждал по моим маленьким подопечным. Я подумала об их отце-солдате. Он не увидел рождения дочери и не присутствовал при последнем вздохе жены. И теперь их друг, которому доверили заботиться о детях, тоже покинул их, оставив детей на мое неопытное попечение. На меня – совершенно незнакомого человека! Я ему напишу. Успокою, рассказав о положении вещей в семье и доме.

Зазвонил церковный колокол. Повернув голову на звук, я увидела еще три могильных холмика. Секунду я не могла дышать. В таком маленьком городке, где большинство мужчин ушли на войну, сразу четыре свежие могилы – это нечто из ряда вон выходящее.

У моих ног крутился Джеймс. Сложив ладошки лодочкой, он подставил их под веснушчатый нос. Через бледные пальцы просачивалась красная жидкость. Мне понадобилось мгновение, чтобы осознать, что это кровь.

Кровь!

В горле стала подниматься горечь, когда я достала носовой платок из рукава и попыталась вытереть кровь. Но она все капала.

Олли отдала мне Дженни. Я держала ребенка и зонтик, и стояла неловко, чувствуя боль в лодыжке. Дэн потянул меня за юбку, и под его весом я чуть было не осела назад на сырую землю.

– Все в порядке, Джеймс. – Олли спокойно подняла край своего белого платья и вытерла брату нос.

- Он же не заболел, правда?

Мой взгляд остановился на одном из мужчин, которые приехали на повозке. Ему было плевать на дождь.

- Нет, - ответила я, надеясь, что звук моего голоса хлестнул его так же резко, как и пощечина, хотя его слова зародили во мне сомнения.

- У него иногда из носа идет кровь, - сообщила нам Олли, потом, найдя на платье чистое место, опять вытерла брату нос.

Дэн начал плакать, спрятав голову в полах моей юбки, но я заставляла себя стоять ровно.

Раз за разом Олли пятнала свое платье кровью брата. Ее новое белое платье пропиталось дождем, грязью и кровью. Это платье, рассказала она мне, сшила мисс Ада и закончила как раз перед тем, как грипп приковал ее к постели.

Проповедник сказал «аминь». Из носа Джеймса перестала идти кровь. Я наконец выдохнула и хотела как можно скорее отвезти детей домой, не дожидаясь новых происшествий.

Мужчины подсунули под гроб две веревки, по одной с каждого конца, готовясь опустить его в землю. Взявшись за веревки руками в перчатках, четверо мужчин позволили гробу опускаться под собственным весом. Веревки медленно скользили в их ладонях. Дождь барабанил по полям их шляп. Но вдруг - то ли намокли перчатки, то ли веревки, то ли дерево намокло, а может, просто кто-то не удержал - деревянный гроб соскользнул с веревок и приземлился на дно ямы с мягким глухим стуком.

Дэн сделал шаг вперед, всматриваясь в могилу мисс Ады.

- Ой, - сказал малыш, - он упал.

Я закрыла глаза и молилась, чтобы крик, звучащий в моей голове, не вырвался наружу.

– Да, дорогой. – А что еще мне было ответить?

Олли отвела братьев от края могилы, боясь, как я подумала, что они тоже могут свалиться вниз головой. Я поблагодарила проповедника и мужчин так, как ожидала бы от меня мама. Тем временем Олли вела мальчиков к машине. Уже никто и не вспоминал о зонтике. Может быть, дождь смывает комки грязи с их одежды. Держа Дженни на руках, я стояла еще немного у края могилы. Полные лопаты мокрой земли шмякались о деревянную крышку гроба – могилу засыпали. Я поторопилась уйти, жалея, что не могу закрыть уши руками.

Потом, несмотря на шум дождя, я услышала тоненький голосок Джеймса.

– Мисс Ада улетела на небеса и будет теперь с мамой, да, Олли?

– Да, Джеймс. Мама и мисс Ада теперь на небесах, а папа во Франции. Но папа скоро вернется домой. А пока я о тебе позабочусь, не переживай.

Джеймс смотрел на меня, в уголках рта трепетала улыбка. Я пыталась придать лицу бодрое выражение, но пока грязь засасывала мои ботинки, я думала о тете, лежащей на дне ямы. И благодарил Бога, что дождь скрыл от детей мои слезы.

Глава 8

Я тешила себя надеждой, что после гудка последнего поезда в дом бодрым шагом войдет мама. Но этого не произошло. И никто не принес телеграмму от нее. Вскоре наступило ничем не заполненное воскресенье.

У меня ломило все тело. Сотни раз за утро я ощупывала щеки, лоб, затылок, проверяя, не поднялась ли температура. Кроме холода, мои пальцы ничего не ощущали, не было никакого неестественного жара.

Нам нужно было заняться чем-то спокойным и мирным.

– У вас есть какие-нибудь книги, которые мы можем почитать? – спросила я.

Олли кивнула и пошла к полке в углу. Тем временем я зажгла камин.

Я была уверена, что у них есть Библия, это было бы весьма уместное чтение на данный момент, но надеялась, что девочка принесет книгу, в которой будет изложена увлекательная история, способная поглотить внимание малышей на некоторое время.

В камине сначала разгорелся небольшой огонь, а затем уже большие языки пламени начали лизать бревна. Я несколько минут постояла возле камина, грея руки, прежде чем уместиться на диване. Дети подбежали и устроились рядом. Олли протянула мне книгу, в ней где-то на трети лежала закладка – полоска красного шелка.

– Мисс Ада читала ее нам, – сказала Олли. – Раньше.

Раньше, до того. Так много сказано в одном слове. До того, как мисс Ада заболела. До того, как умерла. Раньше. Иногда очень хорошо вернуться назад.

Я пробежала пальцами по тисненными золотом буквам обложки и улыбнулась. «Хайди»[2 - «Хайди: годы странствий и учебы» (нем. Heidis Lehr und Wanderjahre), или обычно коротко «Хайди», – повесть швейцарской писательницы Иоханны Спири (1880) о событиях в жизни маленькой девочки, живущей на попечении своего деда в Швейцарских Альпах.].

– Мама читала ее мне, когда мне было столько же, сколько и тебе. – Я обратилась к Джеймсу. – И моему брату тоже.

– А где твой брат? – спросил он, внезапно заинтересовавшись.

– Во Франции, как и твой папа.

– А он знаком с папочкой? – спросил Дэн.

– Нет, не думаю. – Но я улыбнулась, представив отца этих детей – Френка? – который вдруг повстречался с моим братом, Уиллом. А что, если они познакомились? Стали друзьями?

– Теперь сидите тихо и дайте Бекке почитать нам. – Олли протянула книгу и вытащила палец Джеймса из похожего на розу ротика Дженни.

Огонь в камине потрескивал, нагревая комнату. Дженни уснула, лежа укутанная на полу, а история Хайди вытеснила печальные мысли у всех собравшихся. Огонь начал угасать. Мы читали, пока мой желудок громко не заурчал.

Джеймс выпрямился.

– Я тоже голоден!

В заднюю дверь негромко постучали, и этот звук окончательно разрушил нашу мирную картину.

Джеймс поспешно выбежал из комнаты. Я пошла за ним, переступив через спящую Дженни.

– Зачем вы приехали, шериф? Мы не сделали ничего плохого! – Из кухни доносился важный голос Джеймса.

Когда я вошла, шериф ерошил на голове мальчика непослушные завитушки.

– Рад это слышать, сынок. – При взгляде на меня глаза шерифа сразу померкли. – Как вы?

– Все в порядке. – От его простого вопроса у меня из живота начала подниматься нервная дрожь.

Он посмотрел на Джеймса, и я облегченно вздохнула. Ну конечно! Он услышал вчера, что у Джеймса пошла носом кровь, и приехал нас проведать. Ему сказал мистер Криншоу.

– Да все в порядке, правда. – Я видела, как он мнет в руках шляпу. – Могу ли я предложить вам кофе?

Шериф кивнул и сел, перебросив ногу через кухонную скамью, шляпа опустилась на пустое место рядом. Он отбросил назад влажные волосы, заложил руки за

голову и откинулся на сиденье. Меня опять обуяла неуверенность. Мне было вполне достаточно проблем с детьми. И мрачный, подавленный шериф мне был совсем не нужен.

Кофейник стоял на подогревающейся полке у задней части плиты, но огонь едва горел и тепла было мало, а оставшийся с утра кофе уже загустел. Не могла же я его вылить! Мама всегда говорила, что выбрасывать еду – это грех. Я потрясла кофейник, перемешивая его содержимое. Судя по всему, шериф вряд ли это заметил. Густая жидкость вылилась в чашку, и я понесла ее к столу.

Не взглянув на меня, он поднес чашку к губам и отхлебнул безо всякого недовольства.

– Мы никогда не думали, что это дойдет аж сюда. – Он держал чашку обеими руками, хотя я знала, что она совсем не греет его пальцы.

– Не думали, что это дойдет?

Я посмотрела на Джеймса, потом нагнулась и прошептала ему на ухо:

– Позволь мне поговорить наедине с шерифом Джефрисом.

Джеймс поспешно вышел. Я подвинула стул и села во главе стола.

– Никогда не встречал прежде такого гриппа. – Он достал газету из кармана и подвинул ее ко мне по столу. – Взял вашу почту из почтового ящика. Думаю, у вас вчера не было времени об этом подумать.

«Даллас морнинг ньюз». У меня внутри все запело от счастья! Даллас должен быть неподалеку, если здесь получали городскую газету. Я попыталась сдержать радость в голосе.

– Газета приходит ежедневно?

Мужчина кивнул, допивая остатки кофе.

– Френку нравилось быть в курсе происходящего и не ограничиваться только местной газетой. – Он поставил чашку на стол. – Наверное, я лучше пойду.

Мы оба встали, при этом я украдкой посматривала на газету, мечтая жадно впиться в строки и прочитать о городе, где я вскоре буду, о городе, где жил Артур.

– Я буду навещать вас так часто, как только смогу, – добавил он.

– Спасибо. – Я погладила газету, словно стараясь убедиться в том, что она все еще будет ждать меня, после того как я провожу шерифа к дверям.

Его ботинки протопали к входу, шляпа мялась в руке. Мне было его жаль, но я не знала почему. Вдруг из глубины дома раздался вопль.

– Мне нужно... – Я жестом показала, что мне надо идти на шум.

– Я понимаю. – Он нахлобучил шляпу на голову и поспешил через двор.

– Подождите! – Я выбежала наружу, не обращая внимания на холод, дождь и грязь. – Вы можете сказать, послал ли доктор телеграмму моей матери?

Он уже поставил ногу на подножку автомобиля и, обернувшись, посмотрел на меня.

– Я не знаю, но выясню. – Шериф завел мотор и уехал, а меня звал в дом все нарастающий плач.

– Дэн сел на нее. – Олли укачивала на руках малышку.

– Сел на нее? – Я посмотрела на Дэна.

– Я хотел понять – она такая же мягкая, как и диван?

Я прижала руки ко рту, но смех рвался наружу и раздавалось фыркание. Я сжала губы. Плотно. Я молчала, пока ко мне не вернулось самообладание. Потом

уперла руки в бока и попыталась подражать строгости мамы.

- Ты не должен был садиться на сестру.

Дэн, понутив голову, ушел. Джеймс последовал за братом.

- Я дам Дженни чайный бисквит. Все будет в порядке. - Олли вынесла сестру из комнаты.

Я упала на ближайший стул, безвольно раскинув от усталости в стороны ноги и руки. Я думала, что пребывание в Пратер Джанкшене подарит мне несколько недель, чтобы составить план, как добраться до Далласа, к Артуру, к совершенно новой жизни. И я надеялась, что моя тетя поможет мне. Все сложилось совершенно не так, как я ожидала. Но я по-прежнему верила, что Бог послал меня сюда по какой-то причине.

Единственная причина, которую я сейчас могла предположить, это, конечно, Артур.

Тут пришел Дэн, залез мне на колени, спрятал голову на груди и свернулся клубочком. Я вздохнула и обняла теплое тельце. Я не знала, как долго пробуду в Пратер Джанкшене с детьми, но мне точно не придется скучать.

* * *

Усталость сморила детей этим вечером раньше обычного. Троих, уже спящих, я отнесла наверх на руках. Олли едва-едва сумела взобраться по ступенькам самостоятельно.

Тело мое мечтало об отдыхе, но разум желал бодрствовать. Тлеющие угольки догорали в камине, освещая мой путь к декоративной лампе, стоявшей на столе в центре комнаты. Я подкрутила фитиль, и яркий свет озарил не только комнату, но и сирень, изображенную на абажуре, и газету, лежащую на столе.

Взяв газету в руки, я села на обитый тканью стул как можно ближе к столу, чтобы просмотреть страницу за страницей. Военные новости, сельскохозяйственные, местные. Потом я дошла до коротких сообщений об

испанке. Все больше вспышек болезни в Далласе. Будьте осторожны, чтобы не заболеть. Больничные койки переполнены. Уровень смертности растет. И Кэмп-Дик на карантине.

Я выпрямилась, мое сердце билось с такой силой, как копыта лошади бьют по твердой земле. Я должна написать Артуру и убедиться, что он здоров.

Я обвела взглядом квадратную комнату. Нет никакого бюро, в котором могли бы храниться перо и бумага. Я зажгла маленький светильник и, освещая путь, пошла на кухню. Начала искать в ящиках высокого уилсоновского кухонного шкафа. Опять ничего.

Вернувшись в коридор, я остановилась перед закрытой дверью спальни, расположенной внизу. Спальня тети Адабель. Возможно, это было ее святилище, скрывающее женщину от каждодневной суеты маленьких ножек, ее убежище долгими вечерами. Здесь она могла писать письма отцу детей или читать его письма детям. Но я все еще не избавилась от тех ощущений, когда касалась ледяных рук тети, вдевала их в ее лучшее платье, застегивала туфли... По-прежнему ли был слышен в комнате ее шепот? Могла ли я нарушить этот покой?

Несмотря на мои колебания, беспокойство об Артуре требовало выхода. Я положила руку на ручку двери, втянула воздух и замерла. Закрыв глаза, я открыла дверь, одновременно переводя дух. Мне понадобилось мгновение, прежде чем я набралась смелости и открыла глаза. Маленькая лампа в моей руке излучала свет, разгонявший тьму.

По комнате гулял пронизывающий ветер, он рвался внутрь через окна, распахнутые настежь для проветривания. От холода я задрожала, поставила лампу на угловой стол. Открылся вид на всю комнату. Кровать, с которой сняли абсолютно все, готовая, чтобы ее вновь застелили. На умывальном столике пустой фарфоровый таз. Кресло-качалка, стоящее теперь по другую сторону кровати, возле комода. Мебель в другом углу состояла из полок для книг, закрытых стеклянными дверцами, и письменного стола с ящиками.

Оконные рамы никак не хотели становиться на место, но я наконец смогла их закрыть и оставить бушующий ветер снаружи. Все еще дрожа, я придвинула к столу стул с прямой спинкой, стоявший у книжного шкафа, откинула крышку бюро и начала рыться во всех ящиках и углублениях.

Писчая бумага. Конверты. Перо и чернила. Я так жадно схватила их, будто это был сам Артур, а не средства общения с ним. Затем я пересмотрела связанные стопкой конверты, лежащие в нижнем отделении. Я взяла их в руки, позабыв обо всем на свете. Я с трудом сглотнула, не в силах оторвать взгляда от размашистой надписи на конверте: Адабель Уильямс, Пратер Джанкшен, Техас, США.

От Френка Грешема? У меня внутри все сжалось, когда я бросила взгляд на дверь. Но там никого не было, чтобы недоумевать, почему я читаю письма, не предназначенные мне. Мне нужно знать их содержание. Этот человек вернется, и окажется, что он вдовец с четырьмя детьми и фермой только на его попечении.

Если он вообще вернется.

Возможно, он ранен. Возможно, уже сел на корабль, идущий домой. Мне прочитать первое письмо или последнее? Я развязала стопку писем и позволила им разлечься на столе, как в мелком ручье растекается галька.

Я вытащила один конверт из середины и достала письмо.

Пробежала глазами его содержание. Не очень длинное, просто хорошее письмо. Одно из писем, посвященное благодарностям моей тете за ее заботу, указания детям, но нежности было мало. Письмо такого рода я ожидала бы от своего отца.

Помня о решимости написать Френку, я отодвинула в сторону конверты и достала чистый лист бумаги.

Уважаемый мистер Грешем!

Меня зовут Ребекка Хэндрикс, я племянница Адабель Уильямс. Я сожалею, что именно мне приходится сообщить вам о болезни и безвременной кончине моей тети два дня назад. Незадолго до своей смерти тетя послала за мной, прося о помощи. Я не знала, что она присматривает за вашими детьми, но я пообещала ей, что останусь с ними, по крайней мере до тех пор, пока не будут улажены все

формальности. У вас будут для нас какие-либо указания?

Еще раз приношу вам свои извинения за плохие новости. Я понимаю, что вам и самому пришлось несладко с того времени, как вы высадились во Франции.

Искренне ваша,

Ребекка Грейс Хэндрикс.

Я вложила письмо в конверт и скопировала адрес с его письма моей тете. Отложив готовый к отправке конверт, я написала письмо маме, сообщив ей, что останусь с детьми Грешема, пока не получу новостей от их отца. Или от Артура.

Наконец мои руки занялись тем, чем хотели с самого начала, – письмом к Артуру.

Улыбка появилась у меня на устах, как только я представила все письма, которые получу в ближайшие месяцы, – бессвязные любовные послания, которые завоюют мое сердце. Я была уверена. А когда закончится война, мы с Артуром полетим куда-то в неизведанное будущее, будем жить в Далласе, или Нью-Йорке, или, может быть, в Европе. Передо мной мелькали картинки, как в кино, сопровождаемые нежной игрой фортепиано...

Мое перо скрипело по бумаге. Неистовые мольбы, желающие Артуру благополучия. Тяжелые слова о смерти тети Адабель и похоронах. Полные смеха описания детей. Слова обожания, обращенные к возлюбленному.

Приезжай ко мне скорее... Я умоляла вновь и вновь, затем написала свое имя и размашисто подписалась.

К тому времени как я закончила письмо и, подождав, пока высохнут чернила, положила его в конверт, я уже мечтала о том, чтобы пришел сон и увлек меня в свои объятия. Я шла по лестнице, едва переставляя уставшие ноги, говоря себе, что мама скоро напишет, пришлет письмо или телеграмму. Как только она узнает, как сложились обстоятельства, она сразу же приедет на помощь. И как только я смогу убедить ее и Артура, что Господь привел меня в Техас, чтобы ускорить наступление нашего совместного будущего, мы с Артуром начнем

новую жизнь, предназначенную нам Всевышним. И жизнь эта начнется в мире, куда больше, чем выбрали для себя мама и тетя Адабель.

Глава 9

На следующее утро, как только солнце выглянуло из-за туч, мы с детьми пошли во двор по мягкой земле. Мы подоили Старого Боба, покормили кур и завели мулов и лошадь в хлев после того, как наполнили их кормушки. Но мы недолго оставались на скотном дворе. День был солнечным, и я решила воспользоваться этим и постирать вещи.

Я заполнила одну оловянную ванну рубашками, штанами, юбками и платьями. Наша одежда плавала в воде, которая постепенно становилась коричневой. Тем временем я закатала рукава старого ситцевого платья, привезенного специально для такой тяжелой работы, которое я достала со дна своего чемодана. На печь я поставила тяжелый чайник и стала разжигать огонь, добавляя газеты, и ту, что читала вчера, пока языки пламени не стали лизать большие поленья. Мы с детьми, сменяя друг друга, заполняли котел водой из цистерны, нося ее ведрами.

Солнце пекло мне шею и плечи, пока я терла одежду о доску, а потом каждую вещь протянула через пресс для отжима белья. Воздух наполнили взрывы смеха. Я распрямилась и посмотрела в бесконечную синеву у меня над головой.

Карантин означал, что Артур не мог больше летать? Или он мог быть в небе в эту самую минуту? В газете я прочитала историю о том, как самолет совершил аварийную посадку прямо у кого-то в саду. Как только пилоты выбрались из машины, семья пригласила их на ужин.

А что, если Артур упадет с неба? Он выживет, получив лишь несколько ссадин и синяков? Над моей головой лениво кружил ястреб, и я помолилась, чтобы крылья Артура летали так же уверенно. И если уж он и совершит аварийную посадку в чьем-то дворе, то пусть это будет мой!

Когда солнце было уже в зените, я вымыла детям ноги, перепачканные в грязи, затем вытерла рукой мокрый лоб. Выстиранная одежда лежала в корзине, ожидая, пока я смогу ее развесить. Я не думала, что можно выполнять тяжелую работу и при этом присматривать за детьми.

– Я думаю, вам всем днем нужно вздремнуть.

В ответ все, кроме Дженни, застонали. Она захлопала в ладоши, наморщила носик, улыбнувшись от уха до уха. Разумеется, она ничего поняла, но тем не менее это помогло справиться с остальными детьми.

Спешно подав ланч из традиционной кукурузной каши с патокой, я сказала себе, что позже необходимо обследовать подвал и приготовить что-то другое. Отправив детей спать, я достала из корзины всю мокрую одежду и развешивала ее до ломоты в плечах, пока все вещи не заколыхались на ветру. Несмотря на усталость, руки и ноги двигались с какой-то нервной энергией, как у лошади перед забегом.

Всю жизнь в День независимости, четвертого июля, я любовалась блестящими гнедыми скакунами и серыми в яблоках лошадьми, которые мчались по необработанному полю за Даунингтоном. Я видела, как они стояли, пританцовывая на старте, нетерпеливо ожидая команды. Наблюдала, как при звуке выстрела они трогались и бежали к финишной прямой. Мой старт начерчен сейчас передо мною – я жду телеграммы от мамы или письма Артура, зовущего меня к себе, они и будут звуком выстрела, который отправит меня вперед к цели. И поле, по которому я побегу, будет наполнено задачами, более прекрасными, чем чистка стойла, стирка белья или свадьба в сельском саду. Но до этого я сдержу свое обещание и буду заботиться здесь обо всех и обо всем.

Используя последнюю прищепку, я пошла на кухню. Я нашла полмешка муки, сахар и несколько консервных банок в шкафу. И, конечно, полный мешок кукурузной муки. Я посмотрела на пустой сад перед домом. В подвале я надеялась обнаружить овощи, заготовленные на зиму. Если это так, то в ближайшее время у нас на столе появится разнообразие.

Я зажгла маленький фонарь и толкнула тяжелую деревянную дверь, ведущую вглубь земли. Сказать по правде, я ненавидела подвалы. Если, конечно, не играешь в прятки. Большая дверь, открывшись, ударилась о стену. Подняв

фонарь повыше, я спустилась вниз. Вдоль стен шли грубо сколоченные полки. Я подкрутила фитиль, чтобы стало светлее, и заглянула в первую корзину, килограммов на пятнадцать. Зеленая фасоль. Бочка около полки наполнена картофелем. Тыква. Лук. Репа. Немного гороха и початки кукурузы. С деревянных стропил свисали пучки трав.

Набрав полные пригоршни зеленой фасоли и картофеля, я сложила их в подол фартука, как в сумку для сокровищ. Выбравшись на свет, я потушила фонарь. Мысль о фасоли и картофеле, приготовленном с солониной, которую я ранее заметила на кухне, заставила меня проголодаться, и я рысью понеслась на кухню.

Вдруг мое внимание привлек громкий сигнал автомобиля. Машина шерифа Джефриса проехала по траве к дому. Мое сердце затрепетало. Я никогда не думала, что приезд шерифа вызовет в моей душе волнение, но поймала себя на мысли, что ожидала его визита с нетерпением. Я подняла руку, чтобы приветственно помахать, забыв, что обеими руками держу фартук с овощами. Фасоль и картофель рассыпались по крыльцу. Я отряхнула грязь с фартука и пошла встречать гостя.

– Где дети?

– Спят. По крайней мере, я надеюсь.

Его губы изогнулись в улыбке, пока он доставал что-то из кармана.

– Это вам. – Он протянул мне телеграмму.

Мое сердце радостно забило, пока я не прочитала слова, напечатанные на бумаге.

Мама заболела. Оставайся на месте. Скоро напишу.

С любовью, папа.

Мои ноги сами сделали несколько шагов, пока я еще раз перечитала строки. Мама заболела? Насколько серьезно? Чем – испанкой?

Я тяжело опустилась на край крыльца и прислонила голову к столбу, который поддерживал крышу.

Я еще раз поднесла к глазам телеграмму и заставила себе ее перечитать.

– Что случилось? – Кадык шерифа качнулся, а шляпа привычно закрутилась у него в руках.

– Моя мама заболела. – Произнеся слова вслух, я осознала, что они стали реальностью. В уголках глаз застыли слезы. Я не могла на него смотреть.

– Что вы сказали?

Я посмотрела ему в глаза.

– Я беспокоюсь о ней.

Его глаза сузились.

– А разве ваш отец не позаботится о жене?

– Конечно, позаботится. Но, может быть... – Я снова посмотрела на черные буквы на белой бумаге. Папа велел оставаться здесь. Но разве я не была нужна маме?

– Вы же не собираетесь бросить этих детей, правда? Разве не из-за них вы приехали сюда?

Моя голова дернулась в его сторону.

– Да я даже не знала о них, пока не приехала сюда! Я думала, что тетя Адабель быстро поправится. Я думала... – Я махнула рукой и закрыла глаза. – Не важно, что я думала.

– Но вы же останетесь. Не так ли? – Голос сорвался, лицо застыло.

Паника, ясно как день.

Собрав всю волю в кулак, я отбросила сомнения и вновь обрела твердость.

– Разве здесь, в округе, некому позаботиться о детях, пока не вернется их отец?

Голова шерифа качнулась, потом еще раз, и еще. Как качели, которые раскачали и некому остановить.

– Не думаю. На всех сейчас, помимо ежедневных хлопот и обязанностей, лежит бремя войны и гриппа. А что будет со скотом Френка? Вы не можете вот так все бросить и уехать.

– Это не моя ответственность. – Я глубже вдохнула и выпрямилась как можно сильнее. Но все равно мне пришлось откинуть голову назад, чтобы взглянуть в лицо шерифа.

Он хлопнул шляпой по бедру.

– Я ожидал, что любой родственник Адабель поступит так же, как и она, и выполнит свой христианский долг.

Меня передернуло. Как он смеет предполагать, что я менее христианка, чем моя тетя? Мои кулаки сжались, а губы плотно сомкнулись. Кивнув головой, я приказала телу расслабиться и сделать вид, будто все в порядке.

– Конечно, я останусь и позабочусь о детях, по крайней мере до тех пор, пока их отец не примет иного решения. – Или пока папа не велит мне приехать домой. Или Артур не позовет меня в жены.

Я поднялась по ступенькам, не обращая внимания на рассыпанные картофель и фасоль.

– А теперь извините, мне нужно готовить обед для этих драгоценных детей.

Шериф нахлобучил шляпу, его лицо пылало.

– Я приеду, как только смогу. Но сейчас практически в каждом доме испанка. У доктора от перегрузки глаза лезут на лоб. Я пытаюсь ему помочь.

Я заметила, как по боковому крыльцу крадется Олли Элизабет. Наконец она села в углу. Выражение лица шерифа смягчилось. Он полез в карман и достал мятных леденцов.

– Возьми себе и угости остальных. – Он протянул конфеты девочке, прежде чем забраться в машину и уехать.

От раздражения мне хотелось заорать и затопать ногами. Но я воздержалась. В любом случае я не собираюсь оставаться в этом доме на многие месяцы. Я также отказывалась провести остаток жизни на любой другой ферме. Мне уже девятнадцать лет. Разве я не способна принимать решения? Жить жизнью, о которой мечтала?

Я посмотрела на дорогу, ведущую к железнодорожной станции. Мои мечты были так же близко, как облако пыли,двигающееся от горизонта. Если Артур не может приехать ко мне, я сама поеду к нему. В конце концов, независимо от обстоятельств, Пратер Джанкшен намного ближе к нему, чем Даунингтон.

Мое внимание обратилось к Олли. Она стояла, уставившись в мою сторону, склонив голову и сощурился глаза.

– Ты спала? – спросила я.

Она не ответила.

– А другие уже тоже не спят?

– Пока спят. – Олли лизнула конфету. – Мисс Ада и мама никогда бы не заставили меня лечь спать вместе с малышами.

– Правда? – Я собрала фасоль и картофель обратно в фартук.

Олли пососала конфету некоторое время, прежде чем ответить:

- Да.

Демонстративное неповиновение в ее голосе раздражало меня. Я открыла было рот, чтобы возмутиться, но затем заставила себя промолчать. Девять лет! Ей всего лишь девять, напомнила я себе. Я села возле девочки. Она отодвинулась в самый дальний угол. Я подумала о том, как много она услышала из нашего разговора с шерифом. За нами раздался топот маленьких ножек. Джеймс умудрился притащить с собой Дженни. Даже не хочу знать как.

Олли протянула каждому по мятному леденцу. У всех на лицах появились улыбки с такой скоростью, как после грозы появляется радуга.

Я занесла овощи в дом и начала соскабливать с них грязь, думая о маме. Я должна была догадаться, что что-то не так. Мама ответила бы на телеграмму немедленно. А что же Артур? Он должен был уже получить мое первое письмо, которое я послала еще до того, как села на поезд, идущий в Техас. Может быть, и он тоже ответил бы на него, если бы мог?

Взглянув на детей, все еще стоявших на крыльце, я побежала к почтовому ящику, находившемуся за въездными воротами. Я не слышала, чтобы кто-то приезжал или уезжал, кроме шерифа Джефриса, но я ведь некоторое время была в подвале.

Мое письмо к Артуру исчезло. Вместо него лежали «Даллас морнинг ньюз» и журнал по фермерству. Я еще раз заглянула в ящик. Ничего.

- Можно я отнесу их в дом? - спросил Джеймс, протянув руки. Я отдала ему газету и журнал. Он подбежал к дому, взобрался по ступенькам, за ним хлопнула дверь с москитной сеткой.

Мою юбку потянула маленькая ручка.

- Я голоден, Бекка! - На меня уставилось липкое от конфеты личико Дэна.

Я вздохнула и повела его в дом. Пока Господь не пошлет меня в другое место, я сделаю все, что могу, для этих детей.

Глава 10

Наступила среда, и мне стало казаться, что я скоро сойду с ума от беспокойства. В почтовом ящике не было никаких писем. Даже газеты не было. Никто не приезжал нарушить наше уединение. Неужели мы были единственными живыми в этом городе?

Мы закончили с завтраком и утренними хлопотами. Я знала, что мне следует убрать в доме, но вместо это я пошла играть в прятки с детьми в саду. Нам бы не помешало кое-что из магазина. Например, овсянка. Но где мне взять деньги, чтобы что-то купить?

Я поискала в кухне, но никаких наличных не нашла. Может быть, тетя хранила деньги в спальне? Я поискала в бюро, в комод, но по-прежнему ничего не нашла. Затем я заглянула в сумочку, висящую на крючке за дверью. Не знаю, чья она была – тети Адабель или Клары Грешем, да это было и не важно.

Результатом моих поисков стал лишь помятый носовой платок. Его тоже нужно постирать. Я потрянула его, и на пол выпала банкнота! Я нагнулась, чтобы поднять ее и разглядеть. Пять долларов!

Спасибо тебе, Господи!

Я прижала ее к груди, прежде чем поднять окно и высунуться наружу.

– Поехали в город! – крикнула я.

Джеймс и Дэн загикали и заулюлюкали.

Когда я встретилась с Олли на кухне, она искоса взглянула на меня.

- Ты впряжешь Дэнди в повозку?

- Да, я могу. - Обычно лошадь впрягали папа или Уилл, но я знала, как это делать. Я остановилась на мгновение, размышляя. Мне бы хотелось, чтобы поездка в город заняла всю вторую половину дня. - Правда, на дворе такой прекрасный день, почему бы нам не пройтись?

Олли удивленно подняла брови. Она посмотрела на Дженни у себя на руках, а потом снова на меня.

- Я понесу ее, не беспокойся. - Я действительно забыла про малышку. Начну ли я когда-нибудь продумывать свои действия, прежде чем их озвучивать?

До полудня мы быстро пообедали. После того как все было убрано, я повела свой маленький выводок по грунтовой дороге, ведущей в город. Хотя в воздухе витала легкая, как кружево моей нижней юбки, прохлада, солнце припекало наши головы и шеи, пока мы шли. Мальчики все время бегали - то к тому дереву, то к этому камню. Дженни хлопала в ладоши, когда над нашими головами пролетала птица. Олли пыталась поначалу сама нести сестру, но продержалась недолго, несмотря на всю решимость, и затем неохотно передала ее мне. Дженни крутилась и вертелась, дергая пухленькими ножками, так ей хотелось побегать вместе с остальными.

У меня уже опускались руки и занемела спина. Когда впереди показалась железнодорожная платформа, я вздохнула с облегчением, как после освежающей субботней ванны. Хотя по моему лицу уже стекали струйки пота, мои шаги ускорились, дети тоже пошли быстрее.

- Мы практически пришли, малышка.

Дженни мне беззубо улыбнулась, и я поцеловала ее в курносый носик. Да, все будет хорошо.

Мальчики направились к деревянным ступенькам, ведущим к магазину мистера Криншоу. Джеймс толкнул дверь, но она не поддавалась. Он повернулся ко мне, глаза расширились от удивления. Он толкнул еще раз, со всей силы, даже щеки покраснели. Дверь не шелохнулась.

Олли покачала головой.

– Раньше мистер Криншоу никогда не закрывался, кроме как по воскресеньям. Ты уверена, что сегодня не воскресенье?

– Конечно, уверена.

Про себя я начала считать дни с похорон тети Адабель. Сегодня точно не воскресенье. Но весь город будто вымер. Я знала, что в будний день большинство фермеров не поедут в город, но чтобы вообще не было никого? Это не могло быть нормой даже для такого маленького городка, как Пратер Джанкшен.

– Он, наверное, уехал кому-то что-то доставить. Я уверена, он вернется через несколько минут.

Я села на ступеньки магазина, примостив Дженни на коленях, и начала изучать город, который видела лишь мельком. По бокам грунтовой дороги стояли дома с широкими фасадами, наружная обшивка у всех окрашена в серый цвет. Вдоль обеих сторон дороги тянулся дощатый тротуар. Прищурившись из-за солнца, бьющего в глаза, я стала читать вывески над дверями заведений дальше по улице.

На углу стояло кирпичное здание местного банка. Возле него располагалась контора шерифа, рядом было что-то похожее на адвокатское бюро, чья вывеска виднелась в следующем большом окне. Я встала, чтобы посмотреть, что расположено рядом с магазином мистера Криншоу. Почта, парикмахерская, а что это за салун там ниже?

За зданиями дорога сворачивала на север. Через улицу дома, которые я заметила по пути к церкви, стояли тихие и безмолвные. Не сушилось на веревках белье, не плакали младенцы, не играли на улице дети. Я вернулась и опять села возле магазина. Олли присоединилась ко мне, пока мальчишки бегали, поднимая пыль перед немymi витринами.

У меня все внутри сжалось. Где же все?

– Я могу вам помочь? – раздался сзади смутно знакомый голос.

Вскочив на ноги, я прижала Дженни к груди.

Проповедник, с еще более угрюмым, чем я запомнила, лицом, смотрел на меня покрасневшими воспаленными глазами.

Я облизнула губы.

– Мы пришли... – А зачем мы пришли? – Мы пришли кое-что купить у мистера Криншоу.

Его губы раздвинулись в улыбке, но глаза оставались застывшими.

– Его нет, он помогает доктору навещать больных. – Он обвел взглядом всех пятерых. – Из вас кто-либо болен?

– Нет, сэр! – Я увидела, как дети в подтверждение моих слов отрицательно замотали головами. – Я жду письмо. Даже два. Вчера в нашем почтовом ящике ничего не было. Я решила сама зайти на почту. – Оглянувшись, я посмотрела на почту – двери закрыты, ставни опущены.

– Мистер Джемисон управляет почтой, но он слег, заболел гриппом. Миссис Криншоу взяла пока на себя его обязанности. Я думаю, сейчас она дома.

Олли взяла меня за руку и потянула по направлению к первому маленькому дому, расположенному за галантерейным магазином.

– Это дом моей подруги Милдред. – Редкая улыбка озарила лицо девочки.

– Спасибо, – крикнула я проповеднику, который пошел в противоположную сторону.

Через мгновение мы стояли перед дверью дома Криншоу. Олли постучала, затем я. Мальчики отбивали чечетку. Но никто не выходил. Я уже решила было вернуться к магазину и ждать там, как дверь приоткрылась. Появилась женщина с бледным лицом и всклокоченными волосами.

- Да? - Казалось, одно это слово забрало у нее все дыхание.

Я отступила назад, прижав к себе Олли и радуясь, что что-то во дворе отвлекло внимание мальчиков.

- Пожалуйста, мэм, мы ищем мистера Криншоу.

Она кивнула один раз.

Я нервно задышала.

- Я Ребекка Хэндрикс, племянница Адабель Уильямс. Я жду письма от моего папы. - И от Артура, добавила я про себя.

Миссис Криншоу прислонилась к двери и начала сползать на пол. Я передала Дженни в руки Олли, у которой расширились от ужаса глаза: женщина уже стояла на коленях.

- Олли! - Я старалась придать голосу твердость и не дать панике вырваться наружу. - Забери остальных и ждите меня возле магазина мистера Криншоу.

- Но...

Я стиснула зубы.

- Просто иди!

Фыркнув, девочка отправилась к братьям.

- Пойдемте!

Мне следовало сделать ей замечание за то, что она так рывкнула на братьев, но подъем миссис Криншоу занял все мое внимание.

Как только женщина начала судорожно ловить ртом воздух, слезы стали наворачиваться у меня на глаза. Когда я была возле тети Адабель, я не знала всего, поэтому не боялась. Но сейчас я знала! И мне не хотелось подхватить грипп от этой женщины, но и оставить ее лежащей на полу я тоже не могла.

Я положила ее руку себе на плечи и, поддерживая женщину за талию, начала ее поднимать. Появилась маленькая девочка, босая, в ночной рубашке, с пылающими щеками. Милдред, предположила я.

– Иди ложись в кровать, дорогая, я маму сейчас тоже уложу. – Девочка послушалась.

Я практически отнесла ее мать в комнату, уложила на кровать и накрыла одеялом. В глазах больной застыла благодарность.

– Я подожду вашего мужа в магазине. Думаю, он скоро вернется.

Она закрыла глаза. Я медленно вышла из комнаты и стремглав бросилась прочь из дома. На полпути к магазину я остановилась. Статья в газете призывала как можно чаще мыть руки и держаться подальше от людей с симптомами испанки. Я зашла за угол последнего дома, за которым город кончался, и подумала о том, имею ли я сейчас право находиться с детьми. А что, если один из них заболит? Они ведь все были в доме, когда болела тетя Адабель. Как и я. Может быть, Бог хранит нас...

Мистер Криншоу вышел из магазина.

Я поискала глазами малышей.

– Ваша жена... – Я оглянулась через плечо и вытерла руки о юбку. – Ваша жена очень больна. Я уложила ее в постель. Я не знала, что еще сделать.

Дженни протянула ко мне ручки, Дэн схватился за юбку.

Мистер Криншоу положил мне руку на плечо и открыл рот, но так ничего и не смог сказать. На мгновение он наклонил голову, прежде чем его увлажнившиеся глаза встретились с моими. Его грудь вздымалась, будто он втягивал целый

вагон воздуха. Потом он опустил руку и посмотрел на свой дом.

– Идите домой, мисс Хэндрикс. Для вас всех сейчас это лучшее место. – Он закрыл дверь в магазин, спустился по ступенькам и пошел к своему дому.

Моя грудь разрывалась от теснившихся в ней страхов. Одно дело – прочитать о заболевании в газете, и совсем другое – наблюдать воочию, как испанка «оккупирует» город, дом за домом. При этой мысли у меня подогнулись колени. Я практически тащила детей, чтобы они не отставали от меня, пока мы шли домой.

Когда впереди замаячил наш почтовый ящик, я побежала. Жадными руками обыскала все внутри. Пальцы нащупали бумагу. Письмо! Оно лежало сверху на газете, письмо, которое я ждала – из дома.

Но с этим придется повременить. Срочно была нужна горячая вода. И мыло. Я не могу рисковать. Я сама тщательно, три раза, вымыла руки и заставила детей сделать это как следует. Потом я пошла в комнату тети Адабель и заперлась там, откинув в сторону воспоминания о ее бездыханном теле. Мне нужно было побыть в месте, где мне никто не мешает, а Олли и носа сюда не покажет. Не сейчас.

Я села на голый пружинный матрас и вскрыла письмо папы шпилькой для волос. Я никогда прежде не видела, чтобы папа что-либо писал. Обычно мама занималась всей перепиской.

Ребекка,

Мама смертельно больна.

Письмо упало мне на колени, у меня затряслись руки от слов, которые я прочитала и которые надеялась никогда не услышать. Неужели Господь заберет маму так же, как он забрал тетю Адабель? Вытерев щеки, я заставила себя прочитать письмо папы до конца.

Она тяжело восприняла новости о кончине Адабель, но, я думаю, была рада, что ты была с ней в тот момент. Береги себя и детей подальше от болезни.

Люблю тебя,

папа.

Я подошла к окну и прижалась лбом к холодному стеклу. Заболела ли бы мама так же сильно, если бы я осталась дома? Может быть, мама скрывала от папы свою болезнь слишком долго? Это было очень на нее похоже. Но я бы заметила! Я бы сказала ей...

Нет, я не смогла бы ей ничего сказать. Мама – это мама. Она не послушалась бы моего совета. А сейчас я уже не могу ей помочь. Я могу помочь лишь этим детям и самой себе.

Я раскрыла оконные створки, оперлась руками о подоконник и помолилась:

– Пожалуйста, пусть мама выздоровеет и пусть с Уиллом все будет в порядке. Укажи мне путь, как добраться к Артуру. Дай мне сил!

На этом слова закончились, больше мне сказать было нечего. Бог действительно слышит такие простые молитвы?

Из окна я увидела, как Джеймс и Дэн стали рядом у дальнего забора.

– Вперед! – Джеймс скомандовал и помчался раньше брата, оба устремились к крыльцу. Джеймс прибежал первым.

Дэн упал на влажную траву и забился в истерике.

– О Господи всемогущий! – Уже через мгновение я оказалась на улице и стала поднимать Дэна с земли. Он отказывался встать на ноги, по его обветренным щекам все текли и текли слезы.

– Пойдем! – В моем голосе прозвучала та же твердость, которую я обычно слышала в мамином. Я постаралась смягчиться, но была не в настроении сейчас нянчиться с детьми. Поставив Дэна на скамью возле кухонного стола, я уже была готова его отругать. Он икал, пытаюсь справиться со всхлипами, и вытер нос рукавом.

Мое сердце растаяло. Ребенок потерял маму и мисс Аду, возможно, он даже не помнит своего отца. Я вытерла его лицо руками, стирая пот, слезы и грязь.

– Мне жаль, что ты не прибежал первым. – Я еще раз вытерла ему личико, прежде чем заключить малыша в объятия.

– Ты должна была его как следует наказать. Папа поступил бы именно так. – На меня уставились холодные глаза Олли. Я смотрела на нее, пока она не отвела взгляд и не уткнулась, побежденная, в пол.

Я понизила голос практически до шепота.

– Почему бы тебе не отрезать для нас всех по ломтю кукурузного хлеба и не полить их патокой?

Девочка вновь воинственно вскинула голову, готовая сопротивляться, но не успела – у Дэна, тут же освободившегося от моих объятий, настроение сразу изменилось в противоположную сторону.

– Ты дашь мне что-нибудь поесть, Олли? – Он засунул в рот большой палец.

Олли вытащила палец брата изо рта и притянула малыша к себе. По ее лицу пробежало выражение ревнивой женщины.

– Конечно, Дэнни!

* * *

В ту ночь Олли Элизабет долго не ложилась спать. Между нами повисла тишина, нарушаемая лишь ночными звуками, доносившимися из едва приоткрытого окна.

Девочка потеряла мать и теперь обижалась на меня. Я это понимала. Но пока одна часть меня хотела ее приголубить, другая, та, что выросла в мамином доме, хотела отправить ее спать без ужина. В ком она нуждалась больше, в матери или подруге? Если бы мне кто-нибудь подсказал, что делать.

Я начала думать, что же сказать.

- Наверное, школа скоро начнется? Тебе бы этого хотелось?

Олли пожала плечами и откинула прядь волос, упавшую на шею.

- Тебе нравится школа?

Девочка свернулась калачиком на диване.

Я глубоко вдохнула, понимая, что нужно наладить контакт с этим ребенком, который взвалил на себя ношу женщины.

- Я знаю, ты сейчас очень скучаешь по папе, я тоже по своему скучаю.

Она подтянула колени ближе к подбородку, засунула в рот прядь волос, пожевала ее, затем откинула волосы обратно на спину.

- А по маме ты разве не скучаешь?

У меня в горле застрял ком.

- Конечно, скучаю. Мой папа прислал мне весточку, что она сейчас больна. Я бы очень хотела ей помочь.

- У нее грипп?

- Думаю, да. - Я подошла, чтобы сесть рядом. - А чем ты и твоя мама занимались по вечерам, когда скучали по папе? После того, как его отправили во Францию?

Девочка помолчала, обводя взглядом комнату.

– Иногда мама читала мне книгу или газету. Рассказывала мне истории о себе и папе, когда они были молодыми. А еще мы читали папины письма. Мисс Ада нам тоже зачитывала его письма. Но, по-моему, новых пока не приходило.

Я покусала ноготь на большом пальце, затем подошла к каминной полке, на которой стояли часы, отбивающие каждый час над угасающим пламенем.

– Может быть, мы тоже сможем что-то похожее делать. Ты могла бы рассказать мне истории, услышанные от мамы, просто чтобы не забывать.

Девочка пожала плечами и подтянула колени еще ближе к груди. Я снова села рядом с ней, сложила руки на коленях и попыталась улыбнуться, хотя боялась, что выйдет скорее гримаса.

– Мы обе волнуемся, не так ли? Ты о своем папе. Я о маме и о брате, который воюет во Франции. Может, мы сможем друг другу помочь?

Олли продолжала молчать. Вдруг ее глаза загорелись:

– Мы можем за них помолиться!

– Да, Олли Элизабет, это мы, конечно, можем сделать. – От стыда у меня внутри все сжалось. Я сама должна была это предложить! Часы пробили девять вечера и освободили меня от груза вины. – Дорогая, может быть, тебе уже пора спать?

Олли сползла с дивана. Я взяла ее за плечи и развернула в сторону коридора.

– Уже становится прохладно, ты же не хочешь забо... – Я проглотила слово и легонько подтолкнула девочку. – Иди, милая, увидимся утром.

Она поколебалась мгновение, затем развернулась и, прежде чем убежать, поцеловала меня в щеку.

Я прижала руку к щеке, все еще теплой от ее дыхания. Каждый раз, когда я думала, что уже ничто меня не удивит, что-то все-таки удивляло.

Глава 11

Меня разбудил детский крик. За ним последовал глухой стук. Через окно еще и не думал просачиваться утренний свет. Я прижала руки к колотящемуся сердцу. Снова вопль, затем рыдания. Я кубарем скатилась с кровати.

На пороге детской спальни меня встретил Джеймс, вытирая слезы вместе с остатками сна. Я взяла его на руки, прижала голову к своему плечу, прежде чем разглядеть в темноте остальных. Тени зашевелились. Олли села на кровати и заморгала. Я успокоила их и закрыла дверь, укачивая шестилетнего ребенка, как младенца. Еще один кошмар. Уже третий, после того как похоронили мисс Аду.

Из троих детей Джеймс, казалось, переживает больше всех, но я не знала, что именно сильнее ранило его – смерть мамы или мисс Ады. Да, он с легкостью вырывался из рук, бежал играть с братом и забывал... Но потом вспоминал, и боль утраты так накрывала его, что он не мог сдерживать ее внутри. Как сейчас.

– Я здесь, Джеймс, Бекка здесь. – Я все качала его, чтобы убаюкать, и пыталась представить, каково ребенку расти без мамы и папы. Мне его чувства были отчасти знакомы: моя мама сильно больна, а папа так далеко. Я пригладила малышу волосы. Я могла справиться с собственными переживаниями, но что я могла сделать для этого мальчишки, которому казалось, что он проваливается в черную дыру, в которой исчезла мисс Ада?

– Баю-баюшки-баю, – начала я бормотать колыбельную, потом слова четко оформились в моей голове и сами стали слетать с губ. – Не ложися на краю...

Джеймс задремал. Я поняла, что, скорее всего, он полностью и не проснулся. Его вес придавил меня. Я закрыла глаза, прислонила голову к стене и присела.

Ночной воздух легко продувал мою фланелевую сорочку и охлаждал тело.

– Пойдем, малыш, – прошептала я. – Нам обоим нужно поспать.

Я с трудом поднялась и прошла в соседнюю комнату, где положила мою маленькую ношу на кровать. Затем я свернулась возле него клубочком, обняла

маленькое тельце и помолилась, чтобы никому из нас не снились плохие сны.

* * *

Через несколько часов я опять тщательно мыла руки в тазу на кухне. Кожа вся горела, но лишь с тех пор, как я переступила порог дома Криншоу, смысл газетных статей стал мне абсолютно ясен. Держитесь подальше от толпы. Держитесь подальше от тех, кто заболел. Прикрывайте рот. Мойте руки.

Было безрассудством вести детей в город. Но больше я не буду поступать так необдуманно. Я защищу этих детей от гриппа и буду так же стараться, как и их отец, защищая мир от жестоких немцев. Ради памяти о тете Адабель я позабочусь об этих детях, доме и ферме. Когда Френк вернется домой, я с чувством исполненного долга смогу наконец уйти вперед, в новую жизнь!

Мы покончили с завтраком и домашними обязанностями. Я села, чтобы подумать о том, как мы проводим дни. Нам нужен план. Олли и Джеймс стояли около меня, Дэн перекладывал в углу поленья, Дженни сидела у меня в ногах, увлеченная тряпичной куклой.

Я провела вертикальную линию на листе бумаги, с одной стороны я написала ВНУТРИ, а с другой – СНАРУЖИ.

– Так, посмотрим. У нас есть Старый Боб. – И я написала в колонке «снаружи»: корова – доить утром и вечером. – Теперь куры. – Кормить кур и собирать яйца.

Я пожевала карандаш.

– Есть свинарник, но свиньи нет.

– Свинья потерялась в лесу, когда забивали скот, – ответила Олли.

– Папа сказал, что она там ест желуди, – сказал Джеймс, положив локти на стол и устроив подбородок на ладошках.

– Как нам вернуть свинью обратно?

Ответом мне были два пустых взгляда и недоуменно поднятые плечи. Я вздохнула и продолжила.

– Надо кормить лошадей и мулов и очищать их стойла. А сад нужно подготовить к зиме.

– Звучит все правильно.

Выражение сосредоточенности на лице Олли напомнило мне о маме. Я быстро помолилась про себя о ее выздоровлении и вернулась к списку.

– Внутри – мы должны стирать вещи, убирать дом. Поддерживать огонь в каминах, наполнять лампы керосином и подкручивать фитили. Проветривать и заправлять кровати. И мы должны следить, чтобы ткань вокруг испарителя всегда была влажной, иначе наше молоко нагреется и испортится.

– А еще нужно запастись дровами из леса и приносить воду, – добавил Джеймс. – Это моя обязанность. – Малыш гордо выпрямился.

– И моя! – Дэн подал голос со своего места на полу.

– А еще нужно заботиться о малышке, готовить еду и... – Олли повернулась ко мне. – Бекка, а ты все это делала раньше?

– Конечно, – ответила я. Добавив про себя, что никогда не делала все сразу, да еще и безо всякой помощи. И никогда в присутствии детей, мешающих под ногами. – Не переживай, я знаю, что делать.

– Мисс Ада никогда не составляла себе такой список. – Олли указывала на черные буквы на белой бумаге. – И мама тоже.

Я закусила нижнюю губу. Я нуждалась в помощи Олли. Мне было необходимо, чтобы она поверила в меня и была на моей стороне. Я отбросила в сторону всю свою неуверенность.

– Я составила этот список для вас всех. Я просто хотела убедиться, что и вы знаете свои каждодневные обязанности.

Олли наморщила носик и посмотрела на меня так, будто видела меня насквозь и разгадала мой блеф.

Мой пристальный взгляд дрогнул, я посмотрела в окно, желая обрести уверенность. Пожалуй, большое количество свежего воздуха поможет мне.

– Если мы собираемся заботиться об этой ферме, то я хочу увидеть не только скотный двор. Кто мне все покажет?

Раздался рой голосов.

Я засмеялась, впервые по-настоящему засмеялась с тех пор, как приехала. И это было приятно. Даже очень.

Я взяла Дженни на руки и пошла к двери, дети толпой двинулись за мной, как овечки на пастбище.

Мы с легкостью пробирались через редкий лес и вдоль быстро бегущего ручья.

– Папа иногда разрешал мне собирать хлопок, – сказал Джеймс, выпятив маленькую грудь.

– И мне тоже! – добавил Дэн. Джеймс, нахмурившись, посмотрел в сторону брата, а Олли тем временем неодобрительно, по-взрослому, фыркнула.

Я осмотрела голые поля и вспомнила тяжелую черную грязь, которая липла к ботинкам во время последнего дождя. И хотя я узнала пустые семенные коробочки хлопка, а значит, урожай был собран, я понятия не имела, что следует делать дальше.

– А ваш папа сажает в основном хлопок?

На этот раз ответила Олли:

– Конечно, хлопок – это то, что приносит наличные. Идемте сюда. – Девочка указала на поля, которые выглядели более знакомо. – Здесь он сажает пшеницу,

но в основном на корм животным. – Ее голос понизился до шепота: – По крайней мере, мама всегда так говорила.

Я взяла девочку за руку и легонько сжала ее, надеясь, что таким образом смогу выразить свое сочувствие, то, которое не могу высказать словами. Я смотрела на поля, осознавая, что ничего не знаю о процессе выращивания хлопка. Очень мало фермеров в Даунингтоне занимались хлопком. Мой папа и остальные фермеры, насколько я знала, выращивали зерно. Густые ряды зеленых стеблей, рождающих толстые желтые колосья.

Затем мне пришла в голову мысль: а как, ради всего святого, тетя Адабель сумела собрать урожай и пшеницы, и хлопка, отвезти все на мельницу и к хлопкоочистительным машинам, и все это с четырьмя детьми на руках?! Нанимала ли она помощников? Или все делала сама? От этой мысли меня бросило в дрожь. Мама забилась бы в судорогах, если бы узнала, что послала меня в то место, где леди должна была сама под палящим солнцем вручную собирать хлопок.

С того места, где мы стояли, – в дальнем конце поля под паром, я разглядела небольшой домик, через трубу на его крыше вырывался дымок.

– Кто там живет? – спросила я.

– Это дом семьи Лэтхэм. Брат Лэтхэм – проповедник.

А, это мужчина с грустным, как у старого пса, лицом. Что ж, по крайней мере, у нас есть соседи. Но чувство некоторого облегчения было недолгим – пока перед строением не остановилась знакомая лошадь и повозка. Доктор с потрепанным от усталости лицом практически вбежал в их дом. Я отвернулась, меня охватили страх и жалость. У них тоже грипп? Я содрогнулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Испанский грипп, или испанка, – самая массовая пандемия гриппа за всю историю человечества. В 1918–1919 гг. (18 месяцев) во всем мире испанкой было заражено около 550 млн человек, или 29,5 % населения планеты. Умерло приблизительно 50—100 млн человек, или 2,7–5,3 % населения Земли. Эпидемия началась в последние месяцы Первой мировой войны и быстро обошла этот крупнейший на тот момент вооруженный конфликт по масштабу жертв. (Здесь и далее примеч. пер.)

2

«Хайди: годы странствий и учебы» (нем. *Heidis Lehr und Wanderjahre*), или обычно коротко «Хайди», – повесть швейцарской писательницы Иоханны Спири (1880) о событиях в жизни маленькой девочки, живущей на попечении своего деда в Швейцарских Альпах.

Купить: <https://telnovel.com/anna-matir/na-krylyah-mechty-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)